

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕЖАВИЮ
С ТОГО СВЕТА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Дежавю с того света

«АСТ»

2011

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Дежавю с того света / Л. Соболева — «АСТ», 2011 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104195-3

Как быть, если на твоих руках умирает жена? Если ее смерть не простая случайность, но этого не докажешь? Остается искать убийцу самому, чтобы выжить и не скатиться в пропасть самоистязаний. Но след убийцы затерян, идти по нему трудно, цепь случайных событий приводит к неожиданным результатам. Ниточки обрываются одна за другой, пока не остается единственная, в конце которой и открывается вся правда. Книга также выходила под названием «Вся правда о небожителях».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104195-3

© Соболева Л., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

1	6
2	17
3	28
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лариса Соболева

Дежавю с того света

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

1

Мило, мило... но не более. На школьницу смахивает, хотя школьницы сейчас... хм! Черные глазки она округлила, брови удивленно приподняла:

– Вам кого?

– Вас, – расплылась Камилла в белозубой улыбке, как на плакате, рекламирующем зубную пасту. – Вы же Алисия Рогозина?

Та кивнула, притом была удивлена вдвое, потому что белокурую незнакомку с волосами до лопаток, высокую, эффектную, по современным меркам просто супер, видела впервые. Естественно, Алисию заинтриговало, кто она и зачем пришла, откуда знает ее? Ведь нечто лукавое, таинственное и в то же время решительное лилось из расширенных глаз незнакомки, разжигая любопытство, наверное, поэтому Алисия доверчиво раскрыла пошире дверь и немного отступила, приглашая блондинку в квартиру.

Камилла вошла, тщательно вытерла туфли о коврик, кинула оценивающий взгляд на потолок прихожей, стены, мебель, будто собралась купить квартиру вместе с начинкой и выискивала недостатки, чтобы сбросить цену, и сказала:

– На улице сухо, можно, не буду снимать туфли? Я ненадолго.

Алисия не успела ответить ни да, ни нет, а гостья прошла в первую комнату, там осмотрелась, странно выразив то ли восхищение, то ли осуждение:

– Вот это наворовал твой муж!

У хозяйки только рот открылся, но не все способны сразу поставить на место беспардонных людей, а что касается Алисии, так она вообще не умела разговаривать с хамами и не нашла ничего лучше, как предложить после шоковой паузы:

– С-садитесь... – А гостья до приглашения плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу, руки положила на подлокотники и продолжала осматривать достопримечательности квартиры. – Может, чаю? Или... – предложила Алисия.

– Нет-нет, не хочу, – отказалась Камилла, следом с наглым задором сказала: – Да ты сядь, чего стоишь?

Хозяйка явно чувствовала себя не в своей тарелке в отличие от гостьи; она присела на край дивана, точь-в-точь как провинциальная барышня из семейства потомственных интеллигентов. С полминуты Камилла бесцеремонно разглядывала ее, наклоняя голову то влево, то вправо, в общем, тоже оценивала, как лошадь на аукционе. Довольно скоро она пришла к выводу, что этой бледной скромности крупно повезло, тем временем Алисия смущенно поинтересовалась:

– Простите, как вас зовут?

Про себя гостья отметила деликатность хозяйки, другая на ее месте незамедлительно выставила бы нахалку вон, но Камилла людей различает с первого взгляда, нюхом чувствует, будто собака-ищейка, соответственно возникшему представлению избирает манеру поведения. Да вот незадача – внезапно ее прихватила нерешительность, именно прихватила, так как это состояние длилось недолго. И все почему? Перед ней, в сущности, стояло тощенькое дитя, Алисия вся такая узенькая, как велосипед, вся такая чистенькая и невинная (это замужняя женщина-то), да ей при всем желании не дашь тридцати трех лет! Сидит, спинку выпрямила, загнутыми ресницами без туши хлоп-хлоп, даже не подозревает, какую бомбу приготовила Камилла.

– Меня зовут Елена, – наконец изрекла на протяжном, сочувственном вздохе гостья. – Тебе твой муж не говорил, чтобы не пускала незнакомых людей в квартиру?

Кто ее стукнул по голове, чего вздумалось нравоучения читать? Неужели эхо педагогического института аукнулось? Пока Камилла задавала себе вопросы, на которые сама не смогла

бы ответить, Алисия спокойно, без страха, а ведь должна была бы после слов гостьи затрепетать, заподозрив злой умысел, сказала:

– Я поняла, что вы меня знаете, хотя не помню вас. Если вы намекаете, что мне следует бояться, то бойтесь сами, вас из-под земли достанут, если...

– У меня нет намерения причинить тебе вред, – прыснула Камилла, давая понять Алисии, что она глупый маленький мышонок. – Физический вред. Я человек жутко мирный.

– Нельзя ли ясней? Зачем вы пришли?

А Алисия не по-детски строга, при всем при том Камилла не заметила даже мизерного намека на раздражение, напротив, хозяйка квартиры излучала дружелюбие. И навскидку не глупа, в ней угадывался стержень достоинства, которое – удивительное дело – низводило Камиллу до ничтожества, а эту поганку возвышало до высоконравственного эталона. Нет, правда, Камилла чувствовала себя рядом с ней маленько недоразвитой – вот анекдот! Ну что ж, сейчас выяснится, кто есть кто. Камилла подалась к хозяйке, переплела пальцы рук, говорят, это замок, не позволяющий чужой энергии проникнуть в твоё энергетическое поле и навредить здоровью. Настала пора кинуть бомбу.

– Я сплю с твоим мужем. Уже год как сплю.

Девочка Алисия перестала моргать, но и только! Она прекрасно владела собой, что не входило в планы Камиллы, эдак и с мужем будет деликатничать, но... Может, Алисия не совсем поняла, что значит «сплю»? Вдруг в этой семье отношения платонические, ведь сейчас шизанутых полным-полно. Пожалуйста, вот ей разъяснение:

– То есть он изменяет тебе со мной. Регулярно. – Кажется, опять не дошло! – То есть мы любовники.

Что после откровенного признания происходит с нормальными людьми? Их начинает трясти, ибо стабильная жизнь рушится в одночасье, оскорбление бьет по нервам, внезапный удар не контролируется, обиду невозможно скрыть – каждая же моль думает, что она тропическая бабочка. Но эта серость держалась с достоинством леди Ди, как будто не о ее муже шла речь.

– А что вы от меня хотите? – спросила моль.

Камилла была поражена, однако взяла пример с Алисии и в духе светской беседы (без нажима, без ультиматума) разъяснила:

– Непонятно? Паша... э... Павел никак не решится объявить тебе, что хочет развестись, жалеет тебя. Кстати, вот тебе доказательства нашей... э... интимной близости. У него есть некоторые отметины на теле, тебе хорошо известные. Например, красноватое пятно под мышкой, а возле пупка три светлых, с неровными краями пятна, будто кожу в этих местах выбелили. На колене послеоперационный шрам, мениск вырезали. Любовник он потрясающий, ну, ты знаешь... умеет довести до оргазма, от меня он без ума... Ну, посмотри на себя и на него, вы же разные, я подхожу ему больше. Он меня любит... страстно любит. В общем, прояви инициативу. Зачем заставлять человека мучиться с тобой?

– Действительно, – пролепетала Алисия, опустив глаза. – Хорошо, я проявлю инициативу. Это все?

– Все, – развела руками Камилла, но данный жест в ее исполнении выражал сомнение, как будто она чего-то не договорила, не вдолбила этому чуду из чудес. Чудо вскинуло на нее глаза, которые выгоняли ее без слов. – Ах да, мне пора.

Алисия проводила ее к выходу, но Камиллу не устраивало спокойствие жены любовника, ну, не появилось гарантии скандала, и, будучи уже за порогом, она развернулась, вытянув руку:

– Вот кольцо, мне его Паша подарил как будущей жене. Узнаешь вкус своего мужа?..

– Узнаю, – перебила Алисия, даже не взглянув на кольцо, ей не терпелось захлопнуть за гостьей дверь, та предоставила такую возможность, направившись к лифту.

Нажав на кнопку, Камилла во время спуска вниз облокотилась спиной о стену, запрокинув голову, она чувствовала себя обессиленной, такого с ней еще не бывало. Наверное, стареет, так ведь тридцать четыре... Эта цифра повергла ее в ужас. Камилла достала пудреницу, но в лифте было темно, здесь глупо ждать достоверности. Выйдя из подъезда, она приостановилась, разглядывая себя в зеркальце, спустя пару секунд у нее отлегло от сердца: ни одной морщинки, кожа идеальна, красота не померкла, до старения далеко.

Но комфортно почувствовала она себя только в машине, где была защищена дорогим железом, хотя на нее никто не нападал, само собой, и бояться ей некого. В салоне, стаскив с головы парик, Камилла расслабилась, устроившись полулежа, бросила молодому самцу за рулем:

– Поехали.

– Ну, как прошло признание?

– Эта моль – энергетический вампир, высосала из меня все соки. Поехали, у меня еще одна встреча сегодня, потом расскажу.

– Па, есть что-нибудь вкусенькое?

София, переступая порог, выскользнула из плаща и напрямик побежала на кухню. Усмехнувшись, Арсений Александрович хлопнул входную дверь, повесил на вешалку плащ, небрежно брошенный дочерью на стул, и последовал за ней – бедная голодная девочка изучала холодильник. А ведь и правда, смотрится она в короткой юбке и обтягивающей водолазке, да с волосами до талии студенткой второго курса, но никак не замужней тридцатитрехлетней женщиной. Но когда София появляется на экране в форме, чтобы рассказать о преступлениях в городе (она работает в пресс-службе УВД), волосы укладывает в строгую прическу, челку зачесывает набок, ее кукольное личико становится не по-детски ответственным.

– Ух ты, помидоры... – София достала трехлитровую банку с солеными томатами, поставила на стол, схватила ложку.

– Руки мыть! – прикрикнул отец.

Дочь убежала в ванную, вскоре прибежала назад, к этому времени Арсений Александрович, поставив сковороду на плиту, кидал туда куски курицы из кастрюли. София же, стоя, принялась поесть помидоры, ну, а отец, догадываясь, что она опять скоро унесется, не поговорив с ним, вздохнул:

– Может, присядешь, чадо?

– Угу, – плюхнулась она на стул. – Па, дай тарелку, а то сок течет...

– Ты откуда и куда?

– С работы домой. Там шаром покати, одни полуфабрикаты, а я последнее время на них смотреть не могу, решила нанести тебе максимальный ущерб. Па, можно не разогревать, у меня времени нет, скоро приедет журналистка интервью брать, надо успеть домой доехать.

– Да ну! Настало время нести бремя славы?

Облюбовав второй помидор, София пыталась ложкой выудить его из банки, а он не поддавался, одновременно она обиженно ворчала:

– Твоя ирония неуместна, ты же знаешь, к славе, которой, кстати, у меня нет, я отношусь ровно.

– Хм. – В одном звуке отец выразил скепсис по поводу «ровного отношения». София, понимая его даже не с полуслова, а по выражению лица, поспешила уточнить:

– Ну, слава мне не помешала бы, но я не заиклена на ней. Журналистка неделю меня доставала, сказала, нам обеим это выгодно: ей – материал, мне – реклама. Кто ж откажется от бесплатного пиара?

– Дураков нет, – согласился он.

Поставив тарелку с птичкой перед дочерью, Арсений Александрович встал боком, чтобы и турку с кофе из поля зрения не выпускать ни на секунду, и дочь видеть краем глаза. Она, поедая помидоры с курицей, причмокивая и издавая сладострастные стоны, невольно вызвала у него улыбку. При всем при том его не устраивал внезапный налет, точнее, вечная спешка, София будто избегает серьезных разговоров, остается только воспользоваться отведенным временем.

– А скажи-ка, дорогая дочь, почему ты последние три месяца редко появляешься у своего отца? Заскакиваешь на пять минут, да и то чтобы в скоростном режиме проглотить котлету и убежать. У меня, как у любящего родителя, к тебе масса вопросов, особенно когда ты звонишь и просишь «прикрыть» тебя. К моей радости, твой Борька не звонит мне.

София нахмурила лобик, зеленоватые глаза стеснительно опустила, перестав жевать:

– Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить... не надо.

Вовремя подошел кофе, иначе Арсений Александрович не удержался бы от вопросов, принудив Софию к исповеди (ему-то она вряд ли посмеет солгать), что, возможно, привело бы к осложнениям между ними, а кому они нужны? Несколько секунд паузы хватило на разумное решение не торопить события, он взял турку, разлил по чашкам кофе и сел напротив дочери. Она так и не подняла на него глаз, ага – стыдилась! Посему нехотя, чтобы замять неловкость дочери, он перевел разговор в другое русло:

– Как я вижу, тебе некогда навещать отца, но писать-то ты успеваешь? Твоя пресс-служба наверняка отнимает много времени.

– Конечно, папа, успеваю, – обрадовалась София теме не новой, но хотя бы более приятной.

– Слава богу, а то ты и за сюжетом не приезжаешь, это меня беспокоит.

– С сюжетом я определилась, когда ты подбросил классного персонажа – венгра, – оживленно залопотала София, доставая из банки еще один помидор. – Кстати, я привезла тебе половину, сегодня отпечатала. Вначале думала писать другой сюжет, но два романа подряд с покойниками – многовато. Взялась за другой. Мотив необычный, как мне кажется, хотя это и девятнадцатый век, но ведь мало что изменилось...

– Изменилось многое с тех пор, дорогая, – возразил отец, – люди стали другими.

– Поэтому времена бабушки Марго мне интересней. Наша сотрудница Инесса, она дознаватель, говорит, что мотив везде и всегда один – деньги, она не права, верно?

– Не права. Но мотив действительно один на всех: желание. А исполнение желаний – это обретенное счастье, выходит, мотив один у всего человечества – стремление к счастью. Проблема в том, что каждый отдельный индивид имеет собственное толкование этого чувства: для кого-то это чужой кошелек, для кого-то власть, а кто-то мечтает о всеобщем благе.

– Ой, папа, мотив преступления не выглядит так глобально, а мне хочется написать детектив с необычным... желанием, как ты выразился.

Не забывая про помидоры, она задумалась, вспоминая...

Начало нового романа

У тапан и рара по-светски чопорно выверены мимика, движения и жесты, о непринужденности не может быть и речи. Непоседливой и любознательной Марго с плутовскими зелеными глазами, которая не любила покой, трудно было держать себя в тисках светскости. Но она, дабы не злить тапан и не получить порцию упреков, ровно два дня соответствовала идеалу, и то потому, что приехал брат Мишель с подполковником Суровым, иначе ее не заманили бы в родительский дом никакими коврижками. Когда же тапан по просьбе рара сидела за роялем и технически безупречно исполняла вторую сонату Бетховена, Марго тихонько шепнула брату и Сурову:

– Завтра с утра едем кататься верхом, отобедаем у меня, а вечером нанесем визит одному знатному господину, он венгр, обещаю: там скучно не будет.

– Марго... – протянул было Мишель, сморщив нос, это означало, что визиты не входили в его планы, но сестра была неумолима и категорична:

– Не спорь со мной, милый, я так решила.

– Да уж, коль ты решишь, тебя не переубедишь, – посетовал он.

– А для меня желание Маргариты Аристарховны закон, – сказал Суров.

– Благодарю вас, – Марго одарила подполковника улыбкой, но, заметив укоризненный взгляд отца, плутовка приложила палец к губам, будто вовсе не она вынудила шушукаться брата и гостя.

Суров перевел глаза на графиню за роялем, а потом внимание его сосредоточилось на Марго. Он не любил бывать в высшем свете в виду того, что не мог похвастать своим происхождением, о котором нередко расспрашивали. Но в обществе миниатюрной и прехорошенькой Марго с удивительно живым и притягательным лицом он чувствовал себя легко и свободно. С братом они были похожи: те же глаза зеленого цвета, те же густые каштановые волосы, удлиненный овал лица, но у Марго линии плавные, а у Мишеля резко очерчены. Он высок, рассудителен, сестра полная ему противоположность во всем – ураган, однако Суров полжизни отдал бы, чтобы оставшуюся половину провести с ней.

Во время прослушивания сонаты она косилась на Мишеля, из всех родственников Марго любила только его всей душой, остальным отдавала дань вежливости. У нее, двадцатишестилетней женщины, сложилось мнение, что она старше брата, а было как раз наоборот, и разница составляла семь лет, но, видимо, взросление у некоторых мужчин затягивается надолго. За год Мишель мало изменился, правда, возмужал, военная служба ему пошла на пользу, но он как был меланхоликом, таковым и остался. Ее подмывало спросить, позабыл ли братец свою ночную принцессу, да не решалась, боясь разбередить старую рану. Выдастся случай, и она непременно расспросит о Мишеле Суrows, которому Марго была не просто рада, а очень-очень рада.

Одно то, что Александр Иванович сидел рядом, наполняя ее восторгом, однако, несмотря на суждение родственников, будто на лице Марго написаны все мысли, а скрытность ей совершенно не знакома, восторг она держала глубоко внутри или прятала за искренней благожелательностью. Да как же не восторгаться высоким, плечистым, подтянутым офицером, на которого заглядывались женщины, а он представлял собой образец добродетели? Даже тонкие усики над верхней губой не придавали ему легкомысленности, он был серьезен и вдумчив – не подступись. К тому же сочетание светлых волос и бирюзовых глаз... Иногда они обжигали ее и даже прожигали насквозь от груди до самых пяток, Марго чувствовала, как предательски рдели у нее щеки. Становилось жарко, требовался глоток воды, благо лакей стоял позади, держа поднос с бокалами лимонада, иначе она сгорела бы дотла. Марго украдкой проверяла, есть ли в Суrowsе хоть толика того огня, который жег ее? А он был спокоен, хладнокровен и внимателен настолько, насколько позволяли приличия, – какая досада. А что, собственно, она хотела бы от него? О нет, это тема запретная навсегда.

Настенька закрыла ставни и возилась с замком, он не хотел защелкиваться, но тут откуда ни возьмись появился господин Шабанов:

– Позвольте мне, Настасья Назаровна.

Не привыкшая к вниманию молодых людей по причине юного возраста, она смутилась, опустила голову, но отступила. Илларион приложил некоторые усилия, и дужка навесного замка защелкнулась, после чего юноша, удовлетворенный своим умением, доложил:

– Полагаю, смазать замочек надобно, проржавел малость, можете завтра и не открыть без помощи.

– Благодарю вас, сударь, – сказала Настенька. – Пойду, магазин закрою, а завтра мадам про замок скажу.

Она забежала в магазин с вывеской над входом «Дамский каприз», где продавалось белье, а также изделия белолшвеек – платочки, скатерти, салфетки, чепчики и прочая дамская надобность. Илларион не решился последовать за ней без приглашения, в ожидании девушки он прохаживался, заложив руки за спину, чему-то усмехался, глядя себе под ноги, а иногда поднимая женоподобное лицо к небу. Что уж он там высматривал – одному ему известно, но может, Илларион и не разглядывал ночное небо, а мечтал о сегодняшнем вечере – каким он выдаться.

Настенька заперла магазин на три замка, тщательно проверив каждый, связку ключей уложила в чехол и спрятала в бархатной сумочке, искусно вышитой цветными нитками. Она была готова пойти домой, да неловко уходить, как будто здесь никого нет. Илларион вовремя сообразил предложить:

– Позвольте вас проводить? – И чтобы не получить отказа, привел веские причины, по которым он здесь: – А то ведь сумеречно, народу нехорошего нынче много, девушке одной ходить по улицам боязно.

– Благодарю вас, – дала она согласие.

Он провожал ее почти каждый вечер уж тому две недели, рассказывая обо всем, что удалось узнать за день, а когда ничего нового не прочел или не услышал, повествовал о работе, полагая, что дело его представляет интерес. Илларион был молод, двадцати одного года, и приятной наружности – высок, строен (правда, сутулился), белокурые кудри блестели шелком, глаза у него были ясные и детские. Аккуратен, его черный костюм хоть и старый, а никогда не бывал измят, на нем нет пятен, а рубашка отливала белизной. В то же время юноша суетлив и болтлив, изъяснялся заковыристо, впрочем, недостатком это не назовешь, главное, обхождению научен и с нежной душой, и Настеньке в общем-то нравился.

Они не торопились. Кругом-то цвела весна, а она не только очаровывала теплом и ароматами, она питала молодость надеждами и мечтами, пробуждала первые ростки чувств, кружа голову. Да, Илларион был во власти легкого головокружения, чувствовал небывалый подъем, а во всем виноваты чудный вечер, дивный покой и Настенька... Девушка была удивительно хороша и свежа, словно сама весна вышагивала рядом, отчего хотелось петь гимн радости, и он спел бы, если бы умел.

– Давеча читал я газеты, что принес почтмейстер начальнику... – принялся занимать спутницу Илларион. – Курьезные случаи там описаны-с.

– Какие же? – поддержала она разговор, ей-то рассказать было нечего.

– В ведомостях сообщается, что в мировом съезде разбиралось дело об оскорблении артистом Полтавским словом и действием помощника режиссера Собачева. Выяснилось новое обстоятельство, показывающее, что Полтавский вовсе не раскаялся в своем поступке. Когда речь зашла о процессе среди лицедеев, он заявил: «Хотя я и получил повестку в мировой суд, но это еще ничего не значит. Как бил я Собачева, так и буду бить после». Съезд утвердил приговор мирового судьи, которым Полтавский был присужден к заточению на десять дней при городском арестном доме. Не забавно ли?

– Что ж тут забавного? – взглянула на него Настенька, а у того от ее взгляда сердце ухнуло куда-то вниз. – Бить людей дурно.

– Так ведь и народец актерский дурной, сплошь пьяницы да развратники.

– Откуда вам это известно? Вы знакомы с ними?

– Нет-с. Но так говорят. У вас прелестная шляпка, Настасья Назаровна, вам очень идет-с.

Да что шляпка! Настенька и без шляпки прекрасна: глаза, что синь небесная, только печальные, а ресницы длинные и густые; личиком беленькая, так что видны голубые жилки, на щеках чуть заметен румянец; светло-русые волосы длинными локонами сползали на спину, один раскрутился и змеился...

– Вам правда нравится? – оживилась она. – Я сама ее сделала, как учила мадам Беата.

– Право слово, вы мастерица!

– Полноте, какая я мастерица, – вздохнула Настенька. – Вот мадам Беата все-все умеет, учит меня, она хорошая. И красивая.

– Не спорьте, не спорьте! – Иллариону хотелось доставить ей удовольствие, а чем же доставить, если не комплиментами, которые женщины обожают, как он слышал. – Вы редкая умелица... Отчего вы все время оглядываетесь?

– Да? – приостановилась девушка, застигнутая врасплох. Осталось признаться, ведь лгать она не умела: – Поглядите назад, но незаметно... Карету видите?

Поскольку по дороге едва тащилась одна-единственная карета, Илларион, разумеется, ее увидел, но уточнил:

– Запряженная парой лошадей?

– Да-да. А теперь идемте. Не оглядывайтесь.

Илларион не понимал ее беспокойства, однако озабоченное личико Настеньки и его заставило волноваться, тянуло посмотреть назад. Но он же мужчина, а мужчине неловко проявлять любопытство при юной особе, Илларион дождался, когда разрешит девушка:

– Теперь поглядите. Едет карета?

– М-да. Чем вы озабочены?

– Да я уж третий день кряду встречаю сию карету. И утром видела, когда в магазин шла, и вчера вечером...

Что могло родиться в юношеской голове, затуманенной трепетным чувством к девушке? Конечно, это поклонник преследует Настеньку, и – какая досада – он богат, раз в карете разъезжает. Тем не менее Илларион с твердостью заверил:

– Не извольте беспокоиться, Настасья Назаровна, я не дам вас в обиду.

– А вот мы возьмем и... убежим! Ну? Побежали?

Какое счастье – она взяла его за руку! Да что бежать – взлететь было в самый раз! Взять Настеньку на руки и... туда, где парят птицы и гуляют облака, где оба стали бы свободными, как ветер, где некому указывать. Они побежали, держась за руки, свернули за угол, потом еще свернули, а когда очутились за следующим углом, остановились и оба разом рассмеялись. Настенька выглянула за угол и радостно сообщила:

– Не вижу кареты, мы скрылись! Я всегда убегаю от нее.

– Да за вами ли она ехала? Меня сомнение берет.

– Не знаю, – она продолжила путь, – но мне отчего-то не по себе. Да бог с ней, с каретой, я же трусиха, вот и показалось... А как вас называет ваша матушка?

– Когда сердита – Илларион, а когда добра – Лариосик.

– Точь-в-точь как мой дедушка! Ежели он сердит, то ворчит и кличет меня Настасьей, в остальные часы Настенькой зовет.

– Можно и мне вас... как дедушка?

– Отчего же нельзя? – улыбалась она.

– И вы меня зовите по-простому... Ой, я же запомнил! Это вам, Настенька. Малость помялись, вы уж простите меня.

Из внутреннего кармана сюртука Илларион достал букетик ландышей, распространивших в ночном воздухе, наполненном покоем и прохладой, божественный аромат. И ничего он не забыл, просто не решился отдать ландыши, за которыми ходил пешком в лес ранним утром, а потом поставил в стакан с водой и следил за ними весь день. А Настенька тоненькими пальчиками осторожно взяла букетик и приложила к носу, не выразив радости, что обеспокоило Иллариона, он ведь был одержим идеей угодить ей, потому робко спросил:

– Вам нравится?

– Чудо как хороши. Мне никогда не дарили цветов, спасибо.

– Ну, так идемте, Настенька! – воскликнул он, видя, что – да, угодил! – Идемте, а то ваш дедушка будет волноваться.

– Что еще пишут в газетах? – поинтересовалась она, дорога-то удлинилась, а за беседой пройдет незаметно.

– Объявляют-с, – воодушевленно заговорил он. – К примеру... Наизусть помню: «Лучший друг желудка. Вино Сен-Рафаэль предлагается как тоническое, укрепляющее и способствующее пищеварению. Брошюра о Сен-Рафаэльском вине как о питательном и целебном средстве доктора де Барре высылается по востребованию». Вы пробовали вино, Настенька?

– Что вы, как можно. Стойте! – испуганно прошептала она. – Кто это?

На их пути выросли три мужских фигуры, но в темном переулке с тусклыми фонарями лиц было не разглядеть, одно понял Илларион: дело худо, разбойный люд попался.

– Не бойтесь, Настенька, – отодвигая девушку за спину, шепнул он, хотя внутри у него все сжалось от страха, но к трем теням он обратился смело: – Господа, разрешите нам пройти беспрепятственно.

– Лариоська! – крикнул один из разбойников известным голосом, мигом у Иллариона отлегло от сердца, знакомый ведь не тронет.

Тот, что стоял в середине, сделал несколько шагов, попав в свет фонаря, тут-то и признал его Илларион:

– Сережка! Фу-ты, черт бешеный, напугал-то нас как.

«Черт бешеный» оказался молодым мужчиной двадцати шести лет, с чуть заметной щегольской бородкой, в светлой косоворотке, узких штанах, заправленных в сапоги, в пиджаке и картузе. По тому, как он подошел и остановился, поставив ноги широко, а руки на пояс, можно было судить, что Сережка в себе уверен, решителен, дерзок и силен. Но угрозы от него не исходило, улыбка была добродушной, а голос окрасился сиропом:

– Ты, я вижу, с барышней. Где такую добыл-то, а, Лариоська?

– Настенька, не бойтесь, – бросил через плечо Илларион, – это Сережка, сосед мой. Извини, друг Сережа, спешим мы очень, дедушка заждался ее.

– Стало быть, Настенькой тебя звать, – подошел тот ближе. – Коли дедушка заждался, то идите.

Девушка несмело сделала шаг, второй... поравнялась с незнакомцем и вдруг покачнулась, будто ее толкнули, а никто не толкал. Сергей вмиг поддержал ее, схватив за плечи и едва не ударившись лбом о лоб Настеньки. Так близко не подступал к ней ни один мужчина, кроме дедушки. Она ощутила его дыхание на лице и тепло крепких рук, почуяла запах, присущий только этому человеку, хотя других не знала. Он же, удостоверившись, что девушка стоит на ногах твердо, разжал руки со словами:

– Оступилась? Поостерегись, дорога здесь худая.

– Благодарю вас, сударь, – смущенно пролепетала Настя и оглянулась на Иллариона, словно искала у того защиты, но от кого, если угрозы не было?

– Прощай, друг Сережа, – сказал Илларион.

Теперь девушка шла быстро, провожатый, едва поспевая за ней, продолжал рассказывать газетные новости, как и до встречи с Сергеем и его товарищами. Не оступилась она, нет. Но что же произошло? Настенька будто попала в плотный и невидимый сгусток, окружавший незнакомца, который вызывал у нее страх и нечто еще, неведомое ей.

– Кто это был? – спросила она, неучтиво перебив спутника.

– Сережка? Сосед мой, я же сказывал. Дед его из крестьян в торговые люди выбился, отец продолжил дело, ну и Сережка сызмальства приучен работать, а иначе-то нельзя, мужчинам полагается быть при деле. Подворье у них большое, торговые лавки, помощников имеют, но до настоящих купцов далеко. Только Сережка бесшабашный, после смерти батюшки так и вовсе стал сорвиголова.

– Мы пришли, благодарю вас... Илларион! – внезапно произнесла она панически. – Посмотрите! Вон там, в переулке...

Из-за угла выглядывали задние колеса и часть кареты. Той или не той, что они видели полчаса назад, – неясно, но и того довольно, чтобы признать в этом не случайное совпадение. Илларион как истинный мужчина назидательно произнес:

– Вы, Настенька, не ходите одна, не нравится мне это. Завтра я непременно найду за вами. – А ведь замечательный повод встретиться! – Прощайте.

Девушка скрылась в парадном ветхого двухэтажного деревянного дома, а Илларион смело побежал к переулку. Но карета тронулась с места и, когда Илларион достиг угла, она была уже далеко, быстро растаяв в темноте.

Марго нравилось, когда ее сравнивали с ветром, это означало, что она так же стремительна и быстра, так же неуловима и сильна, а еще свободна. Чего ей действительно не доставало, так это свободы – абсолютной, как монархия, желанной, как любимый мужчина, но не все желания исполнимы, зато есть к чему стремиться.

Она оторвалась от брата и подполковника, натянула поводья и повернула лошадь, чтобы осмотреть открытую холмистую местность. Вдали разглядела трех всадников (денщик Суrows поехал с ними) и, рассмеявшись, скрылась в чаще. Спрятавшись за кустами, Марго похлопывала лошадь по холке, представляя, как будут недовольны мужчины ее победой. Вот и они! Подъехали близко-близко, она слышала их переговоры...

Мишель, заставив лошадь поворачиваться на месте и не заметив сестру, досадливо ворчал:

– Ну где же она? Куда подевалась?

– Должно быть, Маргарита Аристарховна углубилась в лес, – предположил Суrows. – Больше-то некуда.

– Истинно так, – поддержал его денщик Степан. – Ежели бы ее сиятельство поворотили назад, мы бы непременно встретились.

– Ну и где нам искать ее? – сердился Мишель. – Одной даме в лесу находиться опасно, неужели она не понимает этого?

– Однако Маргарита Аристарховна доказала нам, что она превосходнейшая наездница, – сказал Суrows, не скрывая восхищения.

– Оставь, Саша, свои похвалы, – резко бросил ему Мишель. – Ты потакаешь ее безрассудствам. Марго! – закричал он, сложив руки рупором.

Три всадника разом развернулись, услышав лошадиное фыркание и треск сухих веток, из чащи выехала Марго с победоносной улыбкой, но брат был не расположен миндальничать с ней:

– Черт возьми, Марго, что за блажь – оторваться от нас?! Ежели бы мы отклонились от курса, то потерялись бы! А коль ты встретила бы дурных людей?

Сестре были незнакомы угрызения совести, как и многим женщинам, но особенность Марго состояла в том, что от большинства дам она отличалась неумностью во всем, посему отнеслась к негодованию брата легко:

– Не злись, Мишель, тебе это нейдет. Итак, Александр Иванович, я обогнала вас на своей Ласточке, как обещала в поместье брата.

– Склоняю перед вами голову, Маргарита Аристарховна.

Подъехав к ней, Суrows поцеловал руку Марго, затянутую в лайковую перчатку, а Мишель никак не мог успокоиться:

– Теперь понимаю, почему в детстве к тебе применяли строгие меры, ты их заслуживала. Неужели это так важно – обогнать Сашу? Более никаких скачек!

– Милый, бери пример с Александра Ивановича, – ворковала Марго, посмеиваясь. – Он прощает маленькие капризы слабым женщинам.

– Это ты-то слабая? – хмыкнул рассерженный брат. – Не сказал бы. Как будем возвращаться, по холмам или здесь есть натоптанная дорога?

– Поедем лесом, – предложила Марго. – Он прекрасен в это время года, здесь много тропинок, а все дороги ведут... правильно, в город!

И кто посмел бы отказать ей? Мишель? Он остался бы в одиночестве, ему ничего не оставалось, как последовать за Марго и Суровым, который усмехался в усы во время перепалки и не поддержал друга.

Лес, правда, был прекрасен, его словно покрасили всеми оттенками зеленой краски, небрежно раскидав повсюду разноцветные пятнышки, которые терялись на буйном фоне зелени. И будто ожил дух земли, зашевелился под стрелами солнечных лучей, щекотавших его рыхлую спину, дурманя земляным ароматом. Все эти образы носились в голове Марго, да разве их выскажешь вслух? Не хватит простых и понятных слов, Мишель вовсе засмеет ее, а раз так, то нечего попусту тратить запал. Но когда они выехали на тенистую поляну...

– Ландыши! – ахнула Марго. – Боже мой, как красиво! Это подарок нам, я никогда не собирала ландыши! Александр Иванович, помогите мне сойти.

Суров слез с лошади, помог Марго, которая ринулась на середину поляны и присела. В синей амазонке с черным бархатным корсажем и белыми деталями она сама походила на цветок. Суров тоже срывал ландыши, денщик исчез в чаще, пришлось и Мишелю наклоняться за лесными цветами, его немного успокоил поистине лечебный аромат ландышей.

– Прошу вас... – Суров протянул цветы Марго.

– Вашвысокоблагородь! – донесся из чащи надрывный голос Степана.

Марго взяла ландыши, соединила со своим букетиком и, устремив коварные глаза на брата, посетовала:

– Вижу, ночная принцесса и год спустя не отпускает Мишеля. Я угадала? Только говорите правду, Александр Иванович.

– Мне трудно судить. Любовь – штука тяжелая, а несчастная – вдвойне.

– У него испортился характер из-за той любви.

– Вашвысокоблагородь! – вопил денщик из чащи.

– Что там, каналья? – досадливо крикнул Суров, не отрывая от Марго бирюзовых глаз, завораживающих всех дам, и ее тоже.

– Тута... эта... Гляньте! Девушка вроде как...

– Так девушка или вроде как? – не двинулся с места Суров.

– Девушка! – выкрикнул панически Степан. – Вроде как тут! Ваше сиятельство, ну, хочь вы погляньте!

Ее сиятельство ловко подхватила шлейф амазонки и перекинула его через руку, ведь ходить по заросшей травой земле с таким тяжелым и неудобным довеском – мучение. Наверняка тот идиот, что придумал шлейфы и корсеты с турнюрами, носил брюки и фрак.

– Идемте, Александр Иванович, – сказала она со смехом. – Посмотрим, что напугало вашего Степана.

Кто бы мог подумать, что человек, побывавший в сражениях, чего-то там испугается в лесу при свете дня? «Наверняка глупый денщик приготовил шутку», – решила Марго и готовилась задать ему трепку, ибо он оторвал ее от Сунова.

Физиономия Степана напоминала мордочку щенка перед пастью огромного волкодава, он был неестественно красным и указывал большим пальцем руки себе за спину. Разумеется, мужчины, прежде чем сделать шаг, сто раз подумают, так и Суров: дойдя до Степана, остановился и уставился на него с вопросом, мол, что случилось? Но не Марго. Она была бесстрашна, как амазонка, однако у ее бесстрашия имелась другая сторона: Марго сначала делала, а думала

позже, поэтому без задержек и вопросов она прошла, куда указывал денщик, да наткнулась на тело.

– О боже! – вскрикнула она, ухватившись за ствол дерева.

В траве лежала на спине юная девица без признаков жизни, по одежде – из мещан: платье темно-серого, почти черного цвета, прилегающее в талии, сшито из фабричной хлопчатобумажной ткани; юбка внизу широкая, но по краю не было оборки – излюбленной детали мещанок. Из украшений – лишь дешевенькие сережки в ушах да узенькая бейка белого цвета по краю ворота-стойки. На ногах – тяжелые и стоптанные башмаки, но нижняя юбка, выглядывавшая из-под платья, отличалась белизной.

Восковое лицо девушки было повернуто в сторону, одна рука откинута, вторая покоилась на животе. Наполовину расплетенная коса закрывала откинутую руку, на которой узкий рукав платья был сдвинут выше локтя, и только волосы на концах косы оказались немного выпачканы кровью.

– Как она здесь очутилась? – произнес Суров в ухо Марго.

Чтобы ответить на вопрос «как?», надо понять, что случилось с девицей, но пока даже предположений не было. Марго подошла ближе к телу, наклонилась и, опершись рукой о колено, а второй придерживая длинный шлейф белой вуали, свисавший с цилиндра, осмотрела умершую.

– Раз на волосах кровь, значит, есть и рана, – сказал подполковник.

Стеком Марго приподняла часть волос, освободив руку девушки, тут-то и стало понятно: на запястье зияла ужасающе глубокая резаная рана.

– Видать, сама себя порезала, – вздохнул Степан, крестясь. – Экая жалость, ведь молоденькая... Как ее зверь не растащил?

Суров обошел Марго, присел на корточки и полностью убрал с руки девицы волосы, он недолго думал над загадкой, выпрямившись, сказал:

– Ежели она пришла сюда умереть, где же кровь? Поглядите, одежда, трава и земля чистые, а из вены кровь рекой льет, поверьте. Не странно ли? И где орудие, которым она резала себе руку?

– Может быть, она на ем, на орудии, лежит, – предположил Степан.

– Тут дело нечисто. Как хотите, Маргарита Аристарховна, а без полиции не обойтись. Не бросать же труп девицы на съедение зверям?

– Мишель! – позвала Марго. – Мишенька, поди к нам!

А тот, забыв недавнее недовольство, увлекся собиранием ландышей, наслаждаясь лесным царством, потому на зов сестры пошел неохотно.

– Марго, тебе пришла в голову новая причуда? – Однако ворчанию его пришел конец, когда Мишель увидел труп девушки. – Позвольте, это... что?

– Милый... – Марго забрала из его рук ландыши и велела: – Бери Степана, скачите в участок. Непременно добейся встречи с Зыбиным Виссарионом Фомичом, он начальник следствия. Скажи, я прислала за ним и что в лесу мы нашли труп девицы, у нее глубокая рана на руке, и неясно, что произошло. Мы с Александром Ивановичем будем ждать вас здесь. Поторопись, Мишель...

2

Открыв дверь ключом, Павел Рогозин еще с порога крикнул:

– Жена, муж пришел!

Алисия не появилась с привычной приветливой улыбкой, не чмокнула его в щеку и не забрала кейс, чтобы отнести в кабинет, не принялась расспрашивать о новостях, которых в его работе хватает. Переобувшись, Павел прошел в комнату, там и увидел жену, лежащую на диване, и переполошился:

– Тебе плохо? Я вызову «скорую»...

– Нет-нет, я... спала...

Она с трудом села, и хотя после глубокого сна человек не сразу становится деятельным, тем не менее Павел не успокоился:

– Ты бледная, я все же вызову...

– Не надо, я в норме, – сказала она твердо и в то же время холодно, а холодность не вязалась с мягкой и предельно шепетильной Алисией, трепещущей от одной мысли, что она кого-то может невзначай обидеть.

По традиции она отправилась готовить ужин, Павел, проследив за женой и удостоверившись, что походка у нее ровная и бодрая, признаков недомогания не видно, ушел на балкон курить, прихватив документы. Как все загруженные люди, он продолжал работать и дома, ведь необходимо контролировать подчиненных, учитывая не только разгильдяйство людей, но и нечестность, нередко жена помогала ему разобраться в финансовых дебрях. Он любил работать дома, притом не запирался в кабинете, напротив, совмещал просмотр телевизора с изучением кипы бумаг, точнее, в «ящик» практически не смотрел, потому его внимание не рассеивалось. Алисии было приятно, когда он находится рядом, ей нужны положительные эмоции, к тому же дома есть все удобства: халат, диван, ароматный чай и забота жены.

Он пришел на кухню с документами, машинально сел, но Алисия не забрала у него бумаги, как часто делала, а поставила тарелки и с осторожностью опустилась на стул. Как она садилась, а это был маленький прокол, он не увидел, иначе схватился бы за телефон. Учувя запахи мяса и специй, ударившие в нос, Павел искал, куда бы деть бумаги, и жена подсказала:

– Положи на барную стойку.

Сказано – сделано, хотя он привык, что Алисия сама находит место документам, а также сует вилку с ножом ему в руки, кладет на колени салфетку, короче, ритуал был нарушен. Это лишь подтверждало, что сегодня жена не такая, явно что-то случилось, хотя это наверняка пустяк. Алисия склонна преувеличивать всякие мелочи, она же полностью отрезана от мира, любая ерунда ей кажется громадным событием. Но пока он начал с избитого вопроса, жена ведь после мелких неприятностей теряет аппетит:

– Почему ты не ешь?

– Не хочется.

В уме Алисия выстроила фразы задолго до его прихода, но не думала, что так нелегко будет их произнести. Глядя на Павла, как ни в чем не бывало поедающего ужин, не скажешь, что он вынашивает далекоидущие планы, которые осуществить проще простого, но он не отваживается, значит, это сделать должна она, и сейчас. После паузы, во время которой Алисия подавляла дрожь и собирала всю свою решительность, она, кусая губы, выдавила:

– Павлик, сегодня приходила Елена...

– Ленка? – пережевывая горячую отбивную, хмыкнул он. – Денег клянчила? Я же сказал, без меня ничего не давать.

– Не племянница. А Елена... твоя Елена.

– Моя? – не придал он значения намеку, ну, не расшифровал, что означает «твоя Елена». – Как фамилия? У нас много Елен работает.

– Она не из фирмы, как я поняла, она... В общем, Павлик, я не буду препятствовать... тебе следовало об этом сказать мне раньше.

Павел уставился на жену, будто не понимал, о чем она сконфуженно и тихо лепечет, и с недоумением произнес:

– Препятствовать? В каком смысле? И что мне следовало тебе сказать?

Не сразу, через преодоление внутреннего барьера, набирая воздух после каждых двух-трех слов, она торопливо выпалила:

– Ты не решаешься... объявить мне о разводе, потому что жалеешь меня... я могу сама подать... и теперь уж подам, но напрасно... напрасно пришла она, а не ты сам...

– Что?! – Он выкатил глаза, но Алисия разволновалась, покрылась пятнами и тяжело задышала, Павел поспешно подскочил к ней. – Тихо, тихо, только не волнуйся, тебя кто-то развел... Алиса, ты как? Лекарство принести или «скорую»?..

– Ни то ни другое.

Она жестом отстранила мужа, но он и не подумал уйти, а присел на корточки, взял ее руки в свои ладони и не позволил их вырвать:

– Чш-ш, успокойся. Какой развод, что за бред? Теперь спокойно расскажи, кто сюда приходил и что тебе навесил?

– Приходила твоя любовница Елена...

– Алиса, у меня нет любовницы!

Это сейчас главное, но чтобы дошло до ушей жены, пришлось повысить тон, правда, Павел тут же испугался своего громкого голоса и гневной вспышки, гнев, разумеется, предназначался сплетнице Елене. А больше всего он испугался слова «любовница», оно, как бритвой, подрезало нити, на которых держится душа, стоило только представить, что пережила Алисия до его прихода. Как же теперь убедить жену? Какие найти слова, чтобы стереть даже память о негодяйке?

– И никогда у меня не было любовниц с тех пор, как мы поженились, – заверил он. – Поверь мне, мне, а не какой-то там... Когда она приходила?

– Еще днем.

– Днем?! И ты не вызвала меня?! Полдня жила с этой сплетней?! Алиса, тебе же нельзя волноваться...

– Я знаю, ты бережешь меня, жалеешь, мучаешься со мной – она так и сказала. Зачем же мучиться? Она просила проявить инициативу... Она такая красивая, что меня взяла зависть. И я понимаю, Елена подходит тебе.

Как всякая женщина, Алисия была эмоциональной натурой, она с трудом говорила; при всех ее стараниях сдержать слезы они оказались непослушными и покатались по щекам. Некстати, ах как некстати все эти потрясения, теперь нужно действовать, и срочно. Павел подхватил рыдающую жену на руки, понес в гостиную, одновременно целуя ее куда придется и говоря:

– Алиса, почему ты меня не слышишь? Нет никакой Елены, глупенькая. Она солгала тебе. Не знаю, зачем, но солгала. Нельзя же верить первой встречной, а не мужу. Ну, успокойся, родная моя... сейчас я вызову врачей...

А родная с каждой секундой заметно слабела, тем не менее у нее были контрдроводы, казавшиеся ей более правдивыми.

– Она перечислила приметы на твоём теле... даже шрам от операции... и три белых пятна. И кольцо показала... Зачем... зачем ты обманывал меня?

– Алиса... – укладывая ее на диван, с нервным смешком произнес Павел, понимая, что дело плохо: у нее посинели губы, но разувериться-то ее надо! И немедленно. – Мои пятна и шрам

видели все, кто ходит в бассейн. С таким же успехом можно рассказать, какие на твоём теле есть приметы, а серьезные доказательства – фотографии, записи... Как же ты так купилась? Я обязательно найду ее, приведу, и ты посмотришь, что эта стерва запоет. Алиса, ну, посмотри на меня... Неужели я не заслужил, чтобы ты верила мне?

Разумеется, ей очень хотелось ему верить, хотя не верилось – злое зерно пускает корни молниеносно и укрепляется настолько сильно, что вырвать их потом нелегко. Тем не менее в темных, как ночь, глазах Алисии появился живой огонек, а посиневшие губы тронула слабая улыбка.

– Ты... правду говоришь?

– Конечно. Мне никто не нужен, кроме тебя. Эта гадина вымогала что-нибудь?

– Нет... – еле слышно вымолвила Алисия. – Больно...

– Потерпи, я принесу лекарство.

Павел сбегал в спальню, основная часть лекарств лежала в плетеной корзинке, но когда вернулся вместе с корзиной, Алисия уже была без сознания. Стараясь не паниковать, что в принципе было невозможно, он судорожно вытряс на ладонь таблетки и сунул ей в рот одну.

– Ну же, Алиса... Сейчас будет легче...

Его колотило от сознания, что какая-то тварь все его усилия оградить жену от стрессов свела на нет. Павел рванул за телефоном, вернулся с трубкой, одной рукой приподнял голову Алисии, чтобы случайно таблетка не попала в дыхательные пути, к счастью, ему ответили после третьего гудка.

– Пожалуйста, срочно... я заплачу любые деньги!.. Срочно нужен врач... Сердечный приступ, жена без сознания... Тридцать три года, есть сердечное заболевание, через две недели должна была состояться операция... – Назвав адрес и услышав, что «скорая» выезжает, он закричал в трубку: – А мне что делать?! Как помочь ей?

– Ждите, – был дан сухой ответ.

– Черт! – в сердцах он закинул трубку в кресло.

Пощупал пульс на шее жены – и не уловил пальцами ударов, хотя он не медик, может, не туда нажимал. Есть же другой способ – Павел приложил ухо к груди Алисии... Но стук собственного сердца оказался намного громче, он бил по вискам, отдавался во всех частях тела, включая кончики пальцев, отчего те стали малоподвижными. Внезапно его ударило: она же не дышит! Павел мысли не допускал, что наступила смерть, это блузка виновата, из-за нее не слышно ударов сердца и дыхания. Рванув ее в разные стороны, он снова приложил ухо к груди Алисии – пульса не было, жена не дышала.

– Алиса! – взвыл Павел. – Этого не должно было случиться!

Еще молниеносный маневр – в прихожую, он открыл настежь дверь, дабы не тратить времени, когда приедут врачи, может, те секунды окажутся решающими. Вернувшись к жене, он еще раз послушал пульс... Тишина в ее теле отсекала всяческую надежду, но Павел не из тех, кто опускает руки. Что остается? Искусственное дыхание... массаж сердца... А вдруг в данном случае эти меры противопоказаны? Но не сидеть же сложа руки, не ждать же, когда она умрет!

Павел быстро переложил Алисию на пол, развел ее руки в стороны, потом свел, развел... Теперь массаж... Только бы заставить сердце работать, дышать, жить. Только бы продержаться до приезда врачей. Никогда раньше он не боролся за чужую жизнь, толком не знал, как это делается, лишь видел по телевизору, но отчаяние заставляет верить в свои сверхсилы.

Руки... Массаж... Руки... Пот капал с его лба на Алисию, во рту пересохло.

Массаж... Знать бы точно, сколько делать толчков, Павел остановился на счете: три на три. Ему показалось, три толчка и три серии искусственного дыхания будут правильными при реанимации.

Еще складывал и разводил руки, да хоть до завтрашнего утра он готов был стать медиком, лишь бы Алисия выжила.

Она вдруг вдохнула, широко распахнув глаза.

– Алиса... – вымученно и хрипло рассмеялся Павел. – Алиса, ты... ты молодец... Не пугай меня больше, ладно? – Она зашевелила губами, Павел наклонился, подставив ухо. – Что? Нет, лучше молчи, береги силы.

Алисия не послушалась, хотя строптивость не ее черта, и повторила беспокойным шепотом:

– Павлик, не вини себя... это я глупая...

– «Скорую» вызывали? – раздался долгожданный голос, вселивший реальную надежду.

Сквозь белесую пелену, вероятно, это пот заливал глаза, Павел увидел людей, но сил у него хватило только махнуть рукой, мол, сюда идите. Подняться он был не в состоянии, отполз на четвереньках от жены, уступив место профессионалам. У кресла Павел сел и запрокинул голову, уложив ее на сиденье, теперь ему надо было успокоиться, унять дрожь в теле, но вдруг услышал:

– Не дышит... Пульса нет... Зрачки не реагируют...

– Как – нет?! – простонал Павел, вернув голову в вертикальное положение. – Был! Пульс был, она дышала... только что говорила со мной...

Но кто бы его услышал в этой суматохе?

Арсений Александрович тронул дочь за руку:

– Софи, вернись на землю.

Папа произносил ее имя на французский манер, так он же аристократ в тридцать втором колене, а София в себе аристократизма не ощущала, потому предпочитала о великих предках помалкивать. Она вернулась, но к помидорам:

– М-м, томатки... улетные! Скажи своей ухажерке, что она волшебница. И попроси еще.

– Откуда ты знаешь, что банку презентовала моя приятельница?

– Ха! Никому не придет в голову представить тебя у плиты консервирующим помидоры.

Кстати, верхняя или нижняя подкормила?

– Нижняя.

Доедая помидор и кусок курицы, София повела бровями:

– М-м-м, нижняя мне больше нравится, у нее хоть фигура.

– Прошлый раз ты отдала предпочтение верхней как раз из-за фигуры.

– Да? Наверное, мое предпочтение зависит от конкретного блюда, которое я поедаю у тебя. Но губа у них не дура, ты же у меня красавец, хоть и седой... Ой, извини, мне звонят!

Телефон лежал в сумочке, а сумочка – в прихожей, каким образом София услышала мелодию звонка, если Арсений Александрович не слышал? А со слухом у него полный порядок, скорей всего, дочь обладает уникальными способностями улавливать колебания воздуха. Полагая, что со звонком свидание с Софией закончится, если судить по тому, в каком темпе она умчалась в прихожую, отец побрел за ней, встал у дверного проема, опершись плечом о стену и сунув руки в карманы брюк.

– Да, Артем? – щебетала дочь, стоя к отцу спиной. – Отвезешь? Замечательно! Приезжай к дому папы... Ты у подъезда? Все, бегу, бегу... Па!

Она думала, отец на кухне, обернулась и встретила с ним взглядом – понимающим, не осуждающим, добрейшим. Найдется ли в мире еще такой отец, как у нее? К сожалению, земля ограничивает появление на свет идеально прекрасных людей как внешне, так и духовно, и делается это для того, по-видимому, чтобы было на кого равняться, к кому тянуться. Но большинство устраивает животное-плебейский уровень жизни, а люди высшей пробы вызывают даже не зависть – агрессию. Должно быть, в тех, кто выгодно отличается от безликой массы,

они видят, словно в зеркале, собственное ничто. Впрочем, если бы вокруг все были подобны отцу Софии, наступила бы скука, ведь одинаковость и есть безликость, значит, идеальный мир все равно страдал бы от несовершенства.

Она запретила отцу задавать вопросы, запрет, конечно, не носил категоричного характера, тем не менее Арсений Александрович никогда не переступит черту, которую провела дочь. Софии хотелось бы поделиться с ним, но, к сожалению, ее мудрый и великодушный папа многого не поймет и не примет, а углубится в переживания, что не прибавит ему здоровья. Остается попроситься извиняющимся тоном:

– Па, мне пора...

– Я слышал. Ну, беги к своему Артему. – Дочь порывисто обняла отца за шею и, поднявшись на цыпочки (он был много выше), поцеловала его в щеку. Все-таки он не удержался: – Софи, неужели твой Борька не догадывается? Учти, он коварный.

– Коварней мужчин, папа, бывают только женщины. Пока.

Сунув ему отпечатанные листы, София застучала каблуками вниз по лестнице, Арсений же Александрович поспешил в комнату, к окну. Чуть отодвинув занавеску, чтобы дочь не заметила, как он подглядывает за ней, посмотрел – это нехорошо, но он просто жаждал увидеть того, кто сумел вылечить Софию от Борьки, законного зятя Арсений Александрович терпеть не мог.

Заметила? О чем речь! София не взглянула вверх, а кинулась к молодому, крупному и чернявому мужчине в джинсовом костюме, стоявшему возле отечественного авто, растворившись в его руках, и одновременно растопилось сердце отца. Не будет он постукивать пальцем по столу: ай-ай-ай, нельзя иметь мужа и упоительно целоваться с другим. Отцу хотелось бы видеть единственную дочь такой счастливой, как сейчас, с Борисом это уже невозможно, значит, надо определиться, а не урывать тайком порционное счастье – такова его позиция.

Он отошел от окна, опустил глаза на листы бумаги, а что они способны разглядеть без очков? Но неотъемлемая часть зрения в пожилом возрасте имеет привычку прятаться от владельца, и когда лопается терпение, когда готов признать наличие склероза, очки вдруг находятся в неожиданном месте, например, на кухонном подоконнике под салфеткой. Зато в результате поисков наведен порядок, теперь можно поставить чайник на плиту и, пока он не закипел, почитать ее новый детектив.

Суров не разрешил Марго прикасаться к девушке, напомнив ей, как однажды она забрала пуговицу из руки мертвого доктора. «Да-да, графиня – и украла (напрямую этого, конечно, он не сказал), решив, что пристав дурак набитый и улики ему ничего не скажут». Справедливости ради надо признать, что правда оказалась на ее стороне – пристав был человеком небольшого ума, зато с огромным самомнением.

– Вы злопамятны, – упрекнула подполковника Марго и зашагала к поляне.

– Помилуйте, Маргарита Аристарховна, – последовал он за ней, – я не хотел вас обидеть, но предостережь...

– Вы только и делаете, что предостерегаете меня, – завелась она, а это грозило ссорой. – Будто я девчонка, будто у меня ум отсутствует...

Суров опередил ее, встав на пути с заверениями:

– Присутствует. Ум. Я имел счастье убедиться в этом неоднократно, а также, что вы женщина, во всех отношениях исключительная...

– Вдобавок вы льстец.

– Нет. И вам это известно.

Глядя на улыбающегося подполковника исподлобья, Марго сменила гнев на милость, на него невозможно было долго сердиться.

– Хорошо, мир. Но должна сказать, я ничего не собиралась забирать, даже если бы нашла. Виссарион Фомич поистине велик в следственном деле, утаивать от него улики – грех, это я вам говорю.

– Вы так цените его?

– Им можно только восхищаться!

– Неужели? – вдруг потух Суров. – Помнится, вы мне писали, как помогали следствию, так это тот самый Зыбин?

А Марго почувствовала торжество, но этого же мало, почему бы не подразнить незрячего подполковника, который иногда ее просто бесил?

– Да, тот самый, но в письмах всего не напишешь, – с экзальтированным восторгом сказала она. – Он глубокий и умнейший человек, безумно талантлив. Меня, признаться, удивляет, почему его до сих пор не оценили по достоинству. А достоин он Петербурга! Возглавлять полицейское ведомство!

– И что же, Зыбин хорош собой?

– Видите ли, «хорош собой» – относительное понятие. Иной раз общепризнанная красота отталкивает, будто проказа, коль человек недобр, самовлюблен и глуп. Особенно это касается мужчин, ведь женщин вы оцениваете по-другому. А в случае Виссариона Фомича «хорош собой» неуместная оценка, ибо он стоит над нашими представлениями о красоте. Да, Зыбин бывает резок, неучтив, но ему прощаешь абсолютно все.

– Вы... любите его, – по-своему понял ее Суров.

– А вы как думаете! Эдакую глыбу нельзя не любить. Да вы сами увидите и, полагаю, тоже полюбите его.

– Ну уж, извините, – набычился Суров. – Вашего Зыбина... хм!

Это ли не маленькая месть Марго за... Да ни за что, а просто так. Впрочем, без причин ничего не бывает, и она прекрасно знала их. За то, что Суров в своей робости, которая не должна быть основополагающей чертой блестящего офицера, похож на инока, отрешенного от мирских забот! За то, что она засыпает и видит его лицо, просыпается и думает о нем вот уже год; за то, что ни разу даже не намекнул о своих чувствах к ней. Compliments изредка говорит, которые ни к чему не обязывают. А ей нужно знать, слышать, а не догадываться по его глазам, знать даже при полной невозможности когда-либо соединить их судьбы или пойти на близость. Любовники – слишком заурядное слово, пошлое, имеющее противоположный смысл слову «любовь», поэтому в отношении Сурова и Марго оно неприменимо. Да и не решится она на этот вольный шаг не в пример некоторым светским дамам, но знать, слышать, а потом жить с этим... да, хотелось бы, и очень-очень.

Ждали долго, Марго присела на пенек и тайком наблюдала за Суrowым, не скрывая коварно-ликующей улыбки. Он же бесцельно гулял по ландышевой поляне, надутый как индеек, не проронив больше ни слова. Поделом ему!

Но вот раздался стук копыт, фыркание лошадей и треск прошлогодних сухих веток, успевших высохнуть за солнечные дни. Марго вскочила и, увидев, как из зарослей вышел Зыбин с анатомом Чиркуном, а также с двумя полицейскими, которые вели лошадей под уздцы, в сопровождении брата и Степана верхом, бросилась им навстречу:

– Слава богу, я уж думала, Мишель не нашел вас.

– Погодите, ваше сиятельство, отдышусь, – пропыхтел Зыбин. – Уф, упарился. Коляску у леса оставили, а пешком трудненько идти в моем-то возрасте.

– Да вы присядьте на пенек, – указала она стеком. – Передохните, а уж потом поглядите на девицу, что мы случайно нашли. Она теперь уж не убежит.

– И то верно, посижу малость.

Зыбин уселся на пень, поглаживая колени, осматривался, выпятив толстую нижнюю губу и опустив уголки рта: вид у него был крайне недовольный. «Но может, – думал Суров, – он

ворчун и брюзга по сути, что и отразилось на его физиономии, стало быть, дело в нраве». Тем временем Федор Ильич Чиркун, чмокнув даме ручку, переключился на красоты вокруг и, как человек с поэтическим началом, не мог не поделиться впечатлениями:

– Нынче весна баловница, господа. Уж и надежду потеряли на тепло, а она вон как разошлась. Щедро, не правда ли? Что за дивное чудо кругом! М-м-м, аромат-то какой!

– Было бы чудо, кабы трупа тут не имелось, – проворчал Зыбин, человек не поэтический. – И где же он, труп девицы, господа? Ведите к нему-с.

Суров был шокирован, его воображение рисовало совершенно противоположный образ гения, чему способствовала Марго. А на поверку что? Безмерно толстый Зыбин с редкими бакенбардами до плеч, мясистым носом невероятных размеров, толстыми губами и густыми бровями, похожий на старую жабу, не мог соперничать за расположение графини абсолютно ни с кем ввиду почтенного возраста. Помогая Марго перейти с кочки на кочку, Суров не преминул весело шепнуть ей:

– Каюсь, я был не прав, Маргарита Аристарховна. Кажется, я уже начинаю любить вашего Зыбина.

«Болван, – досадливо подумала она, послав ему кислую-прекислую улыбку. – Лучше бы, Саша, ты это сказал про меня».

Мадам Беата часто оставляла магазин и уходила к клиенткам на дом или к мастерицам, которые шили вещицы под заказ, убедившись, что Настасья достойна доверия и девушка порядочная. Завоевав популярность, мадам намеревалась открыть при магазине мастерскую, соответственно расширить ассортимент дамского белья. Пока же выписывала из-за границы те же корсеты, чулки, подвязки, панталоны, нижние юбки, что удорожало изделия. Мелкие вещицы она покупала у здешних мастериц, а ведь большую часть можно изготавливать собственными силами. Ее магазин предназначался для богатых дам, но она собиралась охватить горожанок с меньшим достатком, а также мужчин. Мадам Беата, женщина с изысканным вкусом, учила Настеньку премудростям шитья, развеяв миф о белошвейках как о девицах легкого поведения. Такие встречаются среди всех сословий, а чаще – в светском обществе.

– Да и можно пунять паненок, что идут на связь с мужчинами. – Она приехала из Варшавы, по-русски говорила сносно, но с большим акцентом, смешно выделяя букву «ч», а часто и «г». – Осуждения имеют только ханжовые и старые бабы, а что за честь, коли нечего есть? Коль у паненки краса, отчего ж не прудать ее богатому пану? Он даст ей любоф и деньги, неплухий обмен, но этому не надо делать афиша. Люди злы, хотят видеть в дрэгих то, чего нет у них.

Наставления Настенька вежливо слушала, но продавать себя – нет, такой поворот она исключала с категоричностью воспитанной в строгости девушки. Покупателей не было, она сидела за прилавком и набивала руку на швах, как вдруг звякнул колокольчик. Девушка поспешно отложила шитье и поднялась со стула, готовясь встретить покупательницу, а вошел... сосед Иллариона.

– День добрый, – широко улыбаясь, поприветствовал ее Сергей, бросив на прилавок картуз.

Настенька кивнула и потупилась, напрочь забыв, что нужно говорить клиентам. Сергей обвел оценивающим взглядом небольшой магазинчик – м-да, не мануфактурная лавка, забитая рулонами тканей от низа до потолка, есть чему поучиться. Опрятно, красиво, но сколько же здесь всего, что недоступно глазу, потому как носится под платьем!

Стены оклеены обоями темно-малинового оттенка, который предпочитали знатные дамы в будуарах, полки за прилавком разной величины и высоты, что само по себе притягивало глаз. На этом фоне выделялись женские штучки пастельных тонов от корсетов с бесчисленным количеством застежек (неудобное изобретение, по мнению Сергея, знакомого и с туалетами благородных дам) до панталон с чулками и изысканными подвязками, а также в ассортименте

имелись подтяжки, при помощи которых чулки крепились к поясу, который надевался поверх корсета. В углу каскадом свисали нижние юбки с вышивкой, кружевами, оборками разной величины – понизу или по всему подолу от бедер до стоп. Юбки белые и цветные, короткие и длинные, широкие и узкие. Особо подавались ночные платья с рукавами и без, кружевные подолы которых будто подхватили невидимые руки и показывали их покупателям. У окна-витрины был скромно выставлен товар для рукоделия – забавы светских дам, а также изделия белошвеек, в противоположной стороне, ближе к входу, висели турнюры в виде специальных подушечек, сборчатых накладок и каркасов из китового уса, формировавшие выпуклый силуэт сзади. Пеньюары, робы, лифы-чехлы, чепчики... Саму витрину украшали те же причудливые изделия, предназначенные разбудить мужскую фантазию, не иначе. М-да, под платьем благородные дамы надевали значительно больше одежды, которая и весила-то немало.

Сергей не стал дальше разглядывать товар, а остановил взгляд на девушке, невольно представив ее во всем этом многообразном великолепии. Она все ниже опускала голову, а он облокотился о прилавок и, заглянув ей в лицо, хитро прищурился. Настенька смущалась, это было очевидно и забавляло Сергея, на самом деле она находилась в отчаянном поиске, каким образом выпроводить его и не обидеть, он же не за покупками пришел. Ах, как кстати вспомнила про покупки...

– Что угодно, сударь? – пролепетала она с тем же отчаянием, с каким только что искала выход из положения. – Вам помочь... в выборе?..

– А я на тебя пришел поглядеть при свете дня.

Нескромное признание, да что там – наглое, и вел себя Сергей так, будто купить собрался Настеньку. Набравшись смелости, краснея и бледнея, она все же решилась обидеть его и – будь что будет, пускай жалуется мадам:

– В таком случае, сударь, вам лучше покинуть магазин...

– Чего это ради? – развеселился Сергей.

– Наш магазин женский... и... и... сюда могут войти!

– А ежели ты мне понравилась?

Покойная бабушка твердила, что мужчинам верят только глупые девицы, а потом горько рыдают, если же намерения кавалера серьезны, то и ведет он себя подобающе, со всем уважением. Как раз уважения Настенька не увидела, разволновалась, впервые столкнувшись с подобным напором и не зная, что с этим делать. Если Сергей солжет мадам, будто она отказалась его обслужить, страшно подумать, что будет. У хозяйки заповедь: ни одного клиента не упускать, на этот счет она строга, а к ним захаживали и мужчины, многие неплохо разбирались в женском белье.

– Прошу вас, сударь... – начала было Настенька срывающимся голосом, но вдруг его ладонь накрыла ее кисть, лежавшую на прилавке.

Слыханное ли дело: взять незнакомую девушку за руку без ее позволения на то! Настенька испуганно выдернула руку, отпрянув назад, к счастью, их разделял прилавок, на нем не только удобно раскладывать изделия, показывая их покупателю, он еще служил и заградением от таких вот наглецов.

– Вы испортите мою репутацию, – выпалила она. – Ежели сделаете скандал, меня уволят, а я дорожу местом. Мой дедушка... он болен, мне нужна эта работа... Прошу вас, сударь...

Сергей выпрямился, раскатисто рассмеявшись. Для белошвейки Настенька слишком неподатлива, а всем известно: яблоко слаще то, что висит высоко, в этом смысле недотрога только разжигает кровь, она еще желанней. С другой стороны, непонятно, чего она кочевряжится? Молодец он удалой, сам из себя хорош, девки его любят, а тут отпор дали. С чего это вдруг? Цену себе набивает?

– Уходите, – выдавила девушка и убежала в угол к юбкам и ночным одеяниям, раззадорив парня.

Он перепрыгнул через прилавок, хотя можно было обойти, и не успела Настенька глазом моргнуть, как очутилась в его руках, задрожав от ужаса.

– Неужто я так страшен, что ты трепещешь?

Да припечатал ее поцелуем прямо в красные губы, одной рукой прижимая к себе, другой держа за подбородок, чтобы не вырвалась. Девушка лишь глухо вскрикнула, упершись в его грудь ладонями, потом разом обмякла, значит, растаяла, не устояла. Сергею понравилось целовать недотрогу, он и выдерживал паузу в поцелуе как можно дольше, чтобы Настенька запомнила силу и сладость его губ. Оторвавшись, он удовлетворенно заулыбался, глядя на лицо девушки в расслабленном покое, закрытые глаза, полоску белых зубов между губами – хороша, ничего не скажешь, но бледновата. Сергей погладил ее по щеке и тихо позвал:

– Настенька...

А она – ни гугу. Он чуть встряхнул ее, повторив имя, но девушка была как мертвая, что и подтвердила ее рука, упавшая вниз, словно плеть. Тут-то Сергей и всполошился, не понимая, что стряслось. Подхватив ее на руки, поискал, куда бы уложить, да не нашел. Вышел с ней за прилавок, вертелся, окончательно растерявшись и бормоча:

– Что же это?.. Настя... Вот так дикарка. И куда мне теперь ее?..

– А! – вскрикнула женщина, войдя в магазин.

– Спокойно, мадам, спокойно! – прорычал он, боясь, что та поднимет вой, потом разбейся ему с полицией.

Но мадам – стройная блондинка средних лет и по одежде аристократка – оказалась не из робких. Она направила в Сергея дуло крошечного пистолета, заговорив с иностранным акцентом:

– Пан бандит?

– Да какой я бандит, госпожа хорошая! Зашел, спросил эту... – Сергей приподнял выше девушку. – А она... она упала! Уберите пистолет, не ровен час – выстрелит.

– У меня есть умение в стрельбе. Хотите воровать мою Анастаси?

– Воровать? А, не-ет! Бог с вами. Да поглядите же, что с ней!

– Вон стул, несите ее туда. Но смотрите, пан, коль дурно сделать захотите, башку вам снесу, клянусь Езусом Христосом.

Действительно, возле окна-витрины стоял круглый стол и три стула, Сергей усадил девушку и не отходил от нее, иначе бедняжка упала бы. Мадам Беата осматривала Настеньку с докторской педантичностью, поворачивая лицо девушки, приподнимая веки. Сергей не выдержал:

– Живая хоть?

– Пан сомневаться будет? – усмехнулась она. – Анастаси лишённая чувств, не страшно. Держите ей голову, я принесу соль.

Вот так попал! Сергей вытер пот со лба рукавом и едва не уронил девушку, поспешно прижал ее к себе, чувствуя, что сам сейчас будет «лишённым чувств». На его счастье, прибежала мадам, сунула Настеньке под нос флакон, та вздрогнула, беспомощно захлопала глазами, ничего не понимая.

– Пан, несите ее на кушетка, – указывая на дверь, велела мадам Беата. Сергей тотчас поднял девушку, которая слабо запротестовала:

– Нет-нет, я сама... могу...

– Что ты кричишь, будто тебя горят на костре инквизиции? – мурлыкала хозяйка, идя впереди. – Пан не ест тебя. Ложите сюда...

Она заботливо укрыла клетчатый пледом Настеньку и приказала ей спать, не принимая возражений, после указала Сергею на дверь, а он и рад был удрать. Но когда выходил из магазина весь в липком поту, его остановил голос мадам Беаты:

– А что пан хотел у нас?

– Да так... потом как-нибудь... – буркнул он смущенно и выбежал.
– Бедный, – глядя вслед ему, произнесла мадам Беата со вздохом. – Он так напуган, а это всего лишь обморок.

Зыбин стоял над трупом не шевелясь и будто принохивался, затем уместил толстый зад на поваленное дерево, уступив место Чиркуну. Тот осматривал труп, сокрушаясь, что столь молодая и прелестная особа так рано ушла из жизни. Выводов он не делал, поэтому Марго то и дело ерзала от нетерпения на том же бревне, где сидел гений сыска, ее любопытство требовало немедленного удовлетворения: что же случилось с девушкой, почему она оказалась в этом месте, сама или с чьей-то помощью ушла в загробный мир?

А Зыбин проявлял абсолютную незаинтересованность к находке, как показалось подполковнику. Он подставлял круглое лицо солнечному лучу, прорывавшемуся сквозь густые кроны, щурился и чмокал губами, словно луч ему вливал по каплям небесный нектар. Или смотрел налево, потом направо, опустив одну бровь, вторую подняв, а то и попросту дремал! Суров засомневался в его способностях, не может же квашня и сонная рохля в одном обличье шевелить мозгами!

– А ведь прохладно-с, господа, – наконец изрек гений сыска, поправляя шинель и ежась. – Кажись, я замерз.

– Это потому, что вы сидите, – сказала Марго, не отрывая глаз от анатома, который ее интересовал в данную минуту больше.

– Да я не к тому, – лениво промямлил Зыбин. – Девица-то легко одетая, в одном платье-с.

– И что? – повернулась к нему теперь уже заинтересованная Марго. – Ну, Виссарион Фомич! Отчего вы молчите?

– Рассуждаю, ваше сиятельство. Про себя.

– Вы лучше рассуждайте вслух, – потребовала она.

– Да вот я и думаю, место сие далече от города, а коли девица сюда шла, то что ж она не одета в теплую одежду? Ни шарфика, ни платочка, ни шляпки...

– Ни телогрейки, ни салопа, – перебила Марго, дополнив список вещей, которые должны бы быть на девице. – Дальше-то что?

Но тут Чиркун подозвал полицейских, те взяли труп за ноги-плечи и переместили на другое место. Федор Ильич осмотрел примятую траву и с недоумением сообщил:

– Орудия убийства нет. Любезные, – обратился он к полицейским, – поищите-ка здесь, в траве.

– Убийства? – переспросила Марго. – Полагаете, девушку убили здесь?

– Самоубийство я исключаю, прекраснейшая, по причине того, что нет ни ножа, ни бритвы, коими эта особа могла разрезать себе руку. Но и когда бы мы нашли орудие, я бы настаивал на убийстве. Однако, ежели бы ее убили здесь, вы повсюду видели бы кровь, а крови-то нет.

– Да, крови нет, мы тоже заметили, – проговорила Марго.

– А кровоподтеки на руке есть, будто ее держали крепко. Точнее скажу, когда осмотрю тело.

Зыбин с трудом поднялся, заодно высказав мысли вслух, как немногим ранее требовала ее сиятельство:

– Потому и одета она легко, что девицу привезли мертвой и бросили тут, надеясь, что зверь подберет. Зверье опосля зимы изголодалось, но труп не тронуло. Почему-с?

– Девушку перевезли сегодняшней ночью, – догадался Мишель. – А то и под утро, когда город спит. Она же из города, не так ли?

– Все так, крестьянки иначе одеты, – закивал Зыбин. – На утренней зорьке зверь бежит подальше в лес, это ведь зимой мало кто в чащобы заглядывает, а весной люди зверя прогоняют. Потому и не добрались клыки до девицы.

Труп завернули в полотно – его привезли полицейские, – обвязали веревкой, потом погрузили на лошадь и отправились туда, где оставили коляску с кучером, а также телегу, которую захватили благодаря Мишелю, толково объяснившему о находке.

Зыбин и Чиркун ехали в коляске, остальные верхом. Виссарион Фомич, казалось, вновь дремал, несмотря на неудобства бездорожья, из-за чего коляска подпрыгивала и сотрясалась, издавая жалобное скрипение. Как она не развалилась на ухабах под тяжестью трех человек, включая кучера? Но личная безопасность в ветхой коляске не волновала ни Зыбина, ни Чиркуна, похожего на мясника сложением и на мечтателя лицом; он набивал в курительную трубку табак и вдруг легонько ткнул ею в выступающий живот Зыбина:

– Такой же случай у нас уже был: тоже девица, найденная на прошлой неделе, тоже юная и тоже резаная вена. Помните, Виссарион Фомич?

– Помню, помню.

– Как! – вмешалась в диалог Марго, ведя свою Ласточку вровень с коляской. – Еще одна девушка? С такой же раной? И вы молчали?

Тот, кто умолчал о предыдущей несчастной, понял, к кому обращается ее сиятельство, посему приоткрыл один глаз и скосил его на наездницу, промямливая:

– Недосуг было, сударыня, мы занимались живыми покойниками с чародеями – весьма занимательными историями, вам, как никому, это известно.

Его совиное веко опустилось, Зыбин снова впал в дрему, изредка шевеля и причмокивая толстыми губами. Чиркун раскурил трубку и, устроившись поудобней, несколько минут любовался пейзажами, тем не менее мысли его крутились вокруг находки, о чем он задумчиво проговорился:

– Сдается мне, и та девица, и эта – одних лихих рук дело.

– Одних, батенька, одних, – согласился с ним Зыбин, на этот раз не соизволив приоткрыть хотя бы один глаз.

Марго стегнула Ласточку, догнала брата и Сурова, которые ехали впереди, поставила лошадь между ними и углубилась в мысли.

3

Начало лета отличалось стабильно-ветреной погодой и частыми осадками, народ до сих пор облачался в плащи и куртки, некоторые еще не сняли сапожки. Но это как раз неплохо, Камилла не любила жару, от которой никуда не спрячешься, – только в помещении с кондиционером, да и то! Небольшое это счастье – искусственный холод, кстати, натуральный холод сохраняет кожу, поэтому она предпочитала его из чисто практических соображений.

Когда Эрик остановился неподалеку от ресторана «Нэпман», не на парковке, откуда выехать и влиться в общий поток автомобилей бывает чрезвычайно сложно, а на углу квартала, Камилла стащила с себя плащ, вызвав у добровольного (и бесплатного) водителя удивление:

– В одном платье пойдешь? Не замерзнешь?

– Переживу, – кидая плащ на заднее сиденье, ответила она. – Возможно, мне придется лететь оттуда... э... стрелой. Не оставлять же плащ в гардеробе.

– Согласен: при опасности получить кулаком по личику времени на гардероб не будет. Поражаюсь тебе, ты не боишься?

– Нет. Видишь ли, фактор неожиданности обескураживает человека, в первый момент он не соображает, как ему быть и поступать. Тут важно не дать ему опомниться и вовремя сделать ноги. Не выходи из машины и, как заметишь меня, заводи мотор. Ну, пока.

«Нэпман», один из самых крутых ресторанов в городе, был весьма своеобразен: громоздкие комоды и буфеты, круглые столики с белыми скатертями до пола, венские стулья, патефоны и прочий антиквариат времен нэпа – таков его антураж. Официантки с прическами каре двигались между столиками в мешковатых платьях с длинными бусами на шее. Похоже, они были в париках. По клавишам пианино била таперша, наигрывая неприятзательные мелодии, в таком же одеянии, но еще с лисой на плечах и павлиньими перьями в волосах. Тут не подадут борщ по простой причине: его не готовят, блюда только с изюминкой и те, что предпочитали в соответствующие времена. Попсу здесь не услышишь, если пожелаешь смотреть телевизор и петь в караоке, топай по лестнице в другой зал, попроще.

Шагая к заказанному столику, Камилла ловила на себе плотоядные взгляды мужчин и завистливые женщин, ей нравилось чувство превосходства, посему она не торопилась, несла себя как фирменное блюдо. Пришла первой, ничуть не огорчилась: есть время присмотреться, кто решил, на свою беду, здесь поужинать. Простаки с тощими кошельками в «Нэпман» не захаживают, да и ведут они себя иначе, так, будто только что ограбили банк, после чего надумали немножко кутнуть, а представление о шике все равно осталось у них нищенским. В принципе Камилла относилась к деньгам легко, но с ними вольготней себя чувствовала.

Рядом сидела пара, о чем-то увлеченно беседуя, не супруги – это Камилла определяла с ходу, а ей интересны были семейные пары. И чем больше между ними любви, взаимопонимания, доверительности, тем лучше, забавнее.

Она уже собиралась переключить свое внимание на следующий столик, как вдруг молодой мужчина возмутил ее. Мельком взглянув на Камиллу, он проигнорировал томный взгляд и улыбку, провокационно направленные в его сторону, и переключился на спутницу. Это что такое?! Хотя бы для пристойности, в угоду женщине, хоть как-нибудь отреагировал.

– Добрый вечер, давно ждешь? – отвлек ее баритон.

А вот и он... Покровский уселся за стол, на соседний стул водрузил кожаный портфель (Камилла заметила: молодые мужчины предпочитают кейсы, а тем, кому за сорок, – портфели), взял ее руку и приложился к ладони влажными губами. Нежно и трепетно приложился, а лицо-то потное, сальное...

– Привет, – сказала она, высвобождая руку. – Как дела?

– Все, Кама! – Покровский откинулся на спинку стула, приподнял ладони и в порыве торжества стукнул пальцами по столу, будто ставя окончательную точку. – Я свободен. Ты сделала заказ? Не мешает отметить завершение тяжелейшего этапа в моей жизни.

– Закажи сам, – лениво отмахнулась она, покосившись на молодого мужчину, который к ее персоне отнесся как к пустому месту. Но он в ее сторону больше не смотрел ни случайно, ни намеренно, просто напрашиваясь на мечь.

Тем временем Покровский подозвал официантку и, поскольку он здесь бывал часто, заказ сделал без изучения меню, после чего обожающе уставился на скучающую Камиллу, а может, обиженную, посему поторопился заглазить свою вину:

– Прости, не всегда удается попасть вовремя на встречу...

– О чем ты? – не поняла Камилла.

– Ну, я же опоздал... Ты меня не слушаешь?

– Ах, об этом? Не бери в голову. Итак, ты развелся.

– Да. Вышло по-моему, правда, адвокату пришлось ужом вертеться, да и судье кинули, но я доволен, а ты?

Ответа он не удостоился – помешала официантка, поставившая на стол вино, минеральную воду, холодные закуски. Во время вынужденной паузы Камилла снова скосила глаза на пару за соседним столиком – ах, ах, молодой человек протянул бархатную коробочку спутнице, та всплеснула руками, схватилась за щеки и взяла.

– Я сам, вы свободны, – бросил официантке Покровский, забирая бутылку, когда та вознамерилась разлить вино по бокалам. – Кама, давай выпьем не за то, что прошло, я имею в виду мой развод, а за то, что светит. Светишь ты, значит, за тебя.

Что ж, она выпила, раз этому кретину не терпится обмыть свою катастрофу, тем более вино супер. Нет, может, оно и из дерьма сделано, но цена такова, что и уксус покажется нектаром. Изголодавшийся Покровский забрасывал в рот пластины холодного мяса со скоростью пылесоса, намазывал на хлеб горчицу, которая оставалась на губах, он утирал ее салфеткой, не переставая торопливо жевать. «И это обрюзглое, свиноподобное ЧМО считает, что оно с маркировкой «экстра-класс»? – думала Камилла.

– Кама... – запивая горчичное жжение, произнес Покровский, кривясь. – После ужина поедем ко мне, а завтра заберем твои вещи.

Вот и настал миг остудить пыл в его рыхлом теле и худой голове, а для Камы это – все равно что идти по лезвию бритвы, не зная, чем закончится следующий шаг. Риск, непредсказуемость момента, в какой-то мере опасность, скандал – разве это не способ разнообразить застой в тихом омуте? Она выпила вина, поставила бокал и, сложив на столе руки, печально сказала:

– Я много думала... Это была ошибка с нашей стороны.

– Что именно? – Покровский еще не догадывался, в какую он попал западню.

– Развод, – ответила Камилла. – Мы забыли, что на чужом горе счастья не построишь. Семью не надо было разрушать...

Еще одного изменщика ждала дома обманутая жена, дымя сигаретами, словно проснувшийся вулкан. Собственно, в адовых муках Антонина провела несколько часов, но и этого достаточно, чтобы сдохнуть от инфаркта. М-да, узнать об измене – это все равно что яду выпить с просроченным сроком годности и потом мучиться от чудовищных болей, долго не умирая.

Но Антонина была крепка, как гранитная плита, которой она непременно придавит мужа насмерть. Это ничего, что она мала ростом, кое-кто (муж, в частности) шутки шутит, мол, ее параметры: метр на метр, а талия сползла на щиколотки, но постоять за себя, за свое оскорбленное достоинство она в состоянии. Правда, все это отнюдь не означает, что просроченный яд не проник в мозг и душу, которая ой как болела...

Щелкнул замок. Антонина загасила сигарету, запила ее рюмкой коньяка для расширения сосудов, чтобы они не лопнули, и, подперев щеку кулаком, ждала появления благоверного. Дверь распахнулась...

Евгений Богданович в сорок пять выглядел моложе жены на добрый десяток лет, а ей недавно исполнилось сорок два. Надо полагать, это благодаря увлечению спортом он так строен и подтянут, резв и оптимистичен, да и морда у него привлекательная. А зачем Антонине, заурядной во всех отношениях, кроме карьеры, держать рядом с собой среднестатистическое ничто? Она дала ему все, чем богата, но муж оказался неблагодарной свиньей.

Насвистывая, он бросил кейс в кресло, после чего его взгляд попал на бутылку коньяка. Жена – любительница выпить, у них в администрации попойки часто устраиваются, он же не баловал себя излишествами. И накурено прямо в гостиной.

– По какому поводу? – поинтересовался он.

– По твоему, – процедила она, опершись пухлыми ладонями о колени и оттопырив в стороны локти.

В течение трех часов София слушала монолог-презентацию, журналистка по имени Вита соловьем заливалась, какая она крутая, как ее все боятся – от властей до фээсбэшников, в кабинеты которых она заходит, открывая ногой дверь. Ее принцип – распространять инфу (сплетню, если перевести на русский) так, чтобы потерялись концы первоисточника, далее кропай статейки и улыбки недовольным посылай, мол, это не я, народец базарит. Острые репортажи приглянулись Би-би-си, Виту бомбят звонками и зовут поработать на них в Москве с годик, потом для нее будут открыты все дороги: от Лондона до Рио-де-Жанейро. Уехать она пока не может, школьник сын на плечах (сын, разумеется, акселерат и вундеркинд, о чем мать распространялась добрых полчаса). Отдельная песня – мужчины, которые с ума сходят по Вите, забрасывают ее подарками, тащат в постель. Наконец добрались до интервью, уделив ему... пятнадцать минут. София недоумевала, почему Вита не записывает ее ответы, видимо, и память у нее выше средней.

К счастью, пришел Борис. Вита стреляла в него глазками, вероятно, проверяла, сможет ли очаровать мужа писательницы. Не вышло, и она отчалила.

– Что за страхолюдина была у нас? – мрачно поинтересовался Боря, весьма точно охарактеризовав облик Виты.

– Журналистка, – сказала София. – Брала у меня интервью. Да, внешность у нее скромная, зато мужчины от нее без ума, как она рассказала.

– И я могу рассказать, будто занял первое место в Штатах по бодибилдингу, да кто мне поверит? София, от убогих, ущербных людей держись подальше, они обделены природой и, как следствие, мстительны.

Настроение у Борьки хромает, причина в Софии. Но выправить отношения у нее нет желания, хотя он старается добить ее своим терпением, наступая на собственное самолюбие, а ведь не привык ущемлять себя ни в чем. В сущности, оба терпят друг друга, он добровольно, она – вынужденно. До сих пор ему не приходит в голову, что у нее есть другой мужчина, нет-нет, Боря уверовал: у жены временная блажь, корона писательницы сдавила ей голову, отчего пострадал рассудок, это пройдет. Если бы все вернулось на круги своя, что уже невозможно даже теоретически, он стал бы прежним – доморощенным деспотом, изводящим жену детскими капризами и претензиями. Все равно жалко его, а вначале ей казалось, что проще простого уйти хотя бы к отцу, раз обстоятельства не позволяют пока быть вместе с Артемом.

– Ты голоден? – осведомилась она.

– Поел в кабаке, – задумчиво произнес он и тут же внес уточнение, чтобы она не подумала плохого: – С компаньоном. У нас был деловой ужин.

– Тогда пойду к компьютеру, Вита забрала у меня много времени.

– М-да, ты идешь мочить своих персонажей, я иду спать... ну, «ящик» посмотрю. Ты у меня как квартирантка, – не удержался от упрека Борис. – Живешь в кабинете с компьютером, мне это надоело.

– И мне, – подхватила она, вернувшись. – Борь, лучший выход...

– Не, не, не! – Он поднял руки вверх, заходил по комнате. – Не надо, а то поссоримся.

Пожав плечами, София ушла в кабинет, включила компьютер, но за время загрузки улетела Муза, а без этой невидимой леди вдохновение спит мертвецким сном. Причина нерабочего состояния – мысли, мысли... То в голове крутился Артем, впрочем, он из нее и не уходил, но с дурацкой проблемой, которая мало-помалу стала допекать и ее. То папа с неммым укором, неловко перед ним за двойную жизнь, а просвета пока не видно. То Борька... Ну, этот на ее совести полностью, сама из него слепила эгоцентрика, оберегая от быта и сдувая пылинки. Теперь он панически боится привести в дом другую женщину, которая наверняка воспротивится статусу его няньки и захочет установить свои порядки. Парадокс: с Софией дружит удача, но при этом в качестве испытаний выставляет барьеры, а с какого бока перемахнуть их, неясно. Нет, в таком состоянии лучше потратить время на прочтение написанного, заодно подправить...

Свой детектив

Весь день только и говорили о несчастной девице, Марго усмотрела в происшествии таинственную историю, которая непременно должна быть разгадана, на что Мишель отреагировал скептически:

– Неужели этот мешок лени с бакенбардами способен к разгадкам такого рода?

– Виссарион Фомич? – Марго не могла не вступить за Зыбина, она любила справедливость. – Ты не знаешь его. Накануне вашего приезда он покончил с загадкой, которая весь город приводила в трепет. Да-да-да! Живые мертвецы – как тебе это нравится?

– Мертвецы действительно были живыми? – не поверил Суров.

– Живее не бывает.

И не удержалась от длинного рассказа, надо признать, весьма заинтересовавшего брата и подполковника. Собственно, она все время возвращалась к убитой девушке, поэтому, когда Марго засобиралась к венгру, Мишель возликовал, иначе этому не было бы конца.

Когда они с Суrowым появились в особняке Ростовцевых при полном параде, Марго еще была не готова к выходу. Это офицерам достаточно мундир с аксельбантами надеть – и дамы у их ног, а как из безумного количества нарядов выбрать одно платье, отвечающее многим требованиям? Марго никогда не числилась в первых красавицах, но сегодня она жаждала быть если не первой, то единственной, неповторимой. Ехала не на бал, следовательно, пышность и сверкающие украшения неуместны, в то же время не в духе Медьери устраивать заурядные вечера. Вычислив, что поздней весной и летом предпочтение отдается пастельным тонам, она остановилась на выходном платье темно-фиалкового цвета с умеренным декольте и шлейфом, но с обилием плиссированных оборок сходных цветов, рюшами, атласными лентами и драпировкой, которая шла от бедер и крепилась высоко сзади. Горничная Анфиса затянула корсет, дышать стало просто невозможно, ни рук не поднять, ни наклониться, но чего не вытерпишь ради красоты! На шею она надела золотую цепочку с цветной эмалевой подвеской, и такой же браслет с серьгами. Скромно, неброско, в то же время яркий акцент в наряде.

– Марго! – застонал Мишель, когда она сбежала по лестнице.

– Прошу простить меня, я заставила вас ждать, – затрещала она, – но мне совершенно нечего надеть!

– Не верь ей, Саша! – прорычал брат.

А Саша дар речи потерял, увидев ее, для него-то Марго и старалась.

Дом венгра был поистине огромен, такой и подобает иметь человеку, у которого есть средства не только на причуды, а Медьери ими прославился, но и на бросающуюся в глаза роскошь. Лакей оповестил, что прибыла ее сиятельство графиня Ростовцева с братом его сиятельством графом Уваровым, ему вторил другой лакей, затем третий.

– Переключка напоминает дворец Его Императорского Величества, – насмешливо произнес Мишель.

– Не придирайся, дорогой, – мягко осадила его Марго. – Месье необыкновенно умен и галантен, он большой ученый...

– Он еще и ученый? – усмехнулся тот.

– И путешественник. Долгое время изучал медицину, побывал для этих целей в разных странах. Владеет гипнозом, если ты знаешь, что это такое. Может внушить тебе, будто ты птица, и ты будешь вести себя как птица. Я сама видела.

– Полагаю, Марго, ты, как всегда, преувеличиваешь его достоинства. Какова же его цель? Согласись, изучение медицины – дело хлопотное и требует много времени, а также практики, которая не всегда чиста и приятна. Зачем же обеспеченному человеку столько неудобств?

– Цель есть... но об этом позже.

Навстречу вышел сам хозяин в безупречном костюме оливкового цвета, высокий и сухощавый. В его восточной привлекательности просматривалась и таинственность, но искусственная, как полагала Марго. Ничто так не притягивает к человеку, как тайна и загадка, хочется разобраться, что за этим кроется.

– Маргарита Аристарховна, – обрадованно произнес хозяин дома, – я рад, что наконец и вы почтили меня своим...

– Полно, друг мой, – перебила она, подавая руку для поцелуя. – Мы же друзья, к чему церемонии? Я не одна. Позвольте вам представить: подполковник Суков Александр Иванович, а это мой старший брат Михаил Аристархович Уваров, он служит в полку подполковника ротмистром, оба близкие друзья.

Офицеры лихо щелкнули каблуками, в этот момент Марго залюбовалась обоими и прослушала фразы, которыми обменялся хозяин с ее спутниками. Очнувшись, когда Медьери предложил ей руку, поторапливая:

– Прошу, господа, в залу, сейчас моя сестра будет играть, я очень горжусь ею.

– У вас так много живых цветов, – восхищалась по дороге Марго. – Где вы их взяли?

– В моей оранжерее, сударыня, – ответил Медьери. – Если пожелаете, я стану присылать вам по букету каждое утро.

– Не желаю. Ваши букеты взбесят моего мужа, а я не люблю кипящих страстей.

Медьери расхохотался, было очевидно, что общение с графиней доставляет ему огромное удовольствие, чего нельзя сказать о ее брате, который шепнул подполковнику:

– Марго до неприличия откровенна.

– Ты слишком строг, Мишель, – встал на ее защиту Суков, впрочем, как всегда. – Твоя сестра непосредственна, словно ребенок, к тому же этот господин удачно подыгрывает ей.

Их встретили тишина и звуки рояля, Медьери хотел подвести гостью к свободному креслу, но та жестом отказалась. Музыка – это то, что завораживает с первых нот, что возвышает и укрощает дух, этой своей страсти Марго отдавалась полностью, тем более при таком исполнении.

Играла темноволосая юная особа, пленительная, как звуки, что рождались под ее пальцами. В Урсуле не было выпренности, позы, о чем говорило ее светлое платье из шелка, прическа – волнистые волосы рассыпались по плечам и спине. Чарующая простота отличала девушку от тех, кто находился в зале. Играла она легко и свободно, улыбалась и казалась счастливой, передавая настроение гостям не потому, что стремилась к этому, нет, она играла для себя...

Как только Марго сформулировала впечатление, тотчас взглянула на брата, ведь «для себя» однажды уже было, только тогда очаровало пение, сейчас – музыка. Хотя обе девушки были разными, как земля и небо, нечто общее их объединяло, потому интуиция Марго подала сигнал опасности.

Мишель стоял, обхватив ладонью острый подбородок, а этот его взгляд, обращенный и на исполнительницу, и внутрь себя, сестре был хорошо знаком, и по ее спине пробежал холодок. Она лишь молилась Богу, чтобы на сей раз обошлось без драмы, не говоря уже о трагедии.

Закончилась музыкальная пьеса, гости аплодировали и наперебой хвалили Урсулу, а та смеялась, как смеются дети. Медьери не скрывал гордости за сестру, обнял ее и поцеловал в висок, что делать в свете не принято. Смущенная девушка отскочила к матери, сидевшей возле инструмента, тем временем хозяин пригласил гостей отужинать...

Со стороны Илларион напоминал солдата, идущего на штурм бастиона, – ему не хватало лишь винтовки со штыком, он шагал решительно и бубнил под нос, будто с кем-то ссорился:

– Да как ты посмел, как! Ежели ты, друг любезный, уверился, что тебе все дозволено, я тебя проучу! Научу обращению с порядочными девушками, раз твои мамаша с папашей не дали тебе должного воспитания...

От него шарахались прохожие, видя, что дороги он не разбирает, идет напролом и не замечает, как толкнул кого-то. Пришел Илларион на улицу, где жил, но двинул не к своему дому с высоким покосившимся забором, а к зажиточному Серезиному. Обычно он побаивался цепных псов на большом подворье, а тут мимо них прошел под рычание и лай, а также броски, к счастью, волкодавы не достали до его ног.

Илларион вытер башмаки о коврик у порога и в первой же комнате встретил Серезкину мамашу, которую не обхватишь и вдвоем, и осведомился у нее:

– Серезка где?

– Знамо где: у себя в кибинете, – отвечала она сладким высоким голосом.

Как ни придешь к ним, мамаша чай пьет с вареньем, сахаром и баранками. Может, она с самоваром и в постель ложится? Видать, от безделья распухла, рожа аж трещит да лоснится, глаз не видно – жиром заплыли, а руки в перевязках – как у перекормленного годовалого младенца, одним словом, Хавронья в чепце. Сегодня юный защитник к Серезкиной мамаше воспитал нелюбовью, прошел без привычных расшаркиваний в дальнюю комнату.

Стол Сергея был завален толстенными книгами, куда он подклеивал скучные бумажки, относящиеся к торговому делопроизводству, не раз Илларион помогал ему переписывать всяческую дребедень. Сам же Сереза, в накинутом на плечи пиджаке, барыши подсчитывал, быстро перебрасывая костяшки на счетах справа налево и обратно. Он поднял глаза на Иллариона, затем опустил их и что-то строчил в тетради, макая ручку с пером в чернильницу, потом спросил:

– Что у тебя за дело? Сегодня мне недосуг попусту болтать.

Илларион вначале плотно прикрыл дверь, потом выпрямился во весь рост и заговорил пылко, будто выступал в совете горожан:

– Должен тебе сказать, милостивый государь, что ты подлец! – Сергей перестал писать, вперив в него насмешливые глаза. – Как ты посмел обидеть Настеньку! Как ты мог ангела... Она ж чиста, словно лилия-с!

– М... – ухмыльнулся тот, положил перо, скрестил руки на груди и не без удовлетворения произнес: – Пожаловалась тебе.

– Она плакала! – потряс пальцем заступник, вскинув руку вверх. – Я этого так не оставлю! Я... Я тебе...

И ринулся на Сергея, замахнулся с твердым намерением нанести ему оплеуху, но... внезапно отлетел назад, врезался в стену и замер на секунду-другую. Не сразу до него дошло, что

подлый Сережка не бил его, а просто оттолкнул. Юноша не укротил гнев, напротив, он схватил стул и пошел на обидчика слабых сирот, который лениво поднялся и совсем легонько врезал ему кулаком. Илларион шумно рухнул на пол вместе со стулом, замер теперь уже надолго. Качнув головой, Сергей наклонился над ним и участливо поинтересовался:

– Сильно ушибся? Давай руку... Давай, давай.

Понимая, что без посторонней помощи не обойтись, ибо в голове началось торможение, Илларион протянул руку. Сергей помог ему встать на ноги, довел до дивана, а усадив, заметил кровь под носом. Из графина он плеснул воды на платок и, сев рядом, приложил мокрую ткань к носу, Илларион начал сопротивляться, отмахиваясь:

– Оставь меня. Я зол на тебя.

– Ну-ну, будет тебе... Сам держи, покуда кровь не остановится.

– Зачем по роже-то?.. – приложив платок, заворчал Илларион. – Завтрева нос распухнет, как я перед начальством покажусь?

– Скажешь, упал, мол, ночью. Экий же ты дуралей. Чего в драку-то лезть? У меня ж кулаки натруженные, сами обороняются, ты уж прости, Лариоська.

– Зачем Настя тебе? Посмеяться?

– Да не знаю, что нашло на меня, – ударил себя кулаком в грудь Сергей, кажется, честно недоумевая. – Захотелось ее поцеловать, вот и все.

– Ну, знаешь... эдак тебе много чего захочется.

– А мне и хочется многого, да ты не поймешь.

– Обещай, что более к Настеньке не подойдешь.

Может, и не подошел бы, если бы не идиот-заступник. А может, без него задрезбалло внутри нечто волнительное, Сергей даже головой тряхнул, избавляясь от наваждения, – оно же там засело. Нечего ему впадать в меланхолию, она для дураков вроде Лариоськи, но понапрасну обнадеживать парня на всякий случай не стал:

– Не могу дать такого обещания.

Несмотря на разбитый нос, Илларион готов был снова броситься на Сергея, но ограничился яростным упреком:

– Тебе девок мало? Вон вся улица под тобой побывала.

– Не вся, зачем врать-то? – заверил тот обиженно. – Платок приложи, а то кровь течет. А тебе-то Настя зачем? Жениться рано, для начала надобно место хорошее получить, жалованье, чтобы жену содержать.

– Не твое дело, – огрызнулся Илларион. Но как же не похвастать, когда основания есть, чтобы Сережка сильно не задавался. – Мне обещали место писаря в мировом суде, господин судебный пристав составил протекцию, так-то, брат.

– Ладно, иди, Лариоська, а то у меня работы много. А кулаки, братец, упражнять надобно, коль в драку охота лезть.

Глядя в сутулую спину Иллариона, Сергей по-доброму ухмыльнулся, сел за стол, взял перо... а заряд куда-то подевался. Ничто так не отвлекает от работы, как думки о женщинах. Вроде бы девчонка лет семнадцати, ладненькая, с виду умненькая, но как мимоза – на неедохнуть боязно, а в душу запала. Сергей будто наяву видел лицо с перепуганными глазищами, держал в руках хрупкое тело, ощущал его незащищенность... И смех, и слезы, ей-богу, потому что ему нравятся девки задорные и здоровенные, чтобы бедра были крутые, груди в руку не помещались, зад торчком и все прочее в том же духе, да чтобы за себя постоять умела. Оседлать такую кобылу становится делом чести, а эта от поцелуя в обморок рухнула.

Нет, не работалось ему. Он захлопнул тетрадь с книгой учета, направился в горницу и Аграфене Архиповне с порога строго бросил:

– Мамаша, мы что, сегодня натошак спать ложимся?

– Капка! Фиска! Где ужин? – заверещала та на весь дом. – Садись, Сереженька. А чего Лариосик приходил?

– Да так... Я звал, поручение у меня есть к нему.

– А чего шумно было? – прищурила мамаша маленькие и хитрые глазки, вероятно, подслушивала.

– Пошалили малость.

Девчонки споро собирали на стол: капусту квашеную с клюквой (остаточки после зимы), грибочки соленые, кулебяку, запеченных карасей в сметане, курицу отварную, картошечки со свежим укропом. Но вдруг Сережа затребовал водки, графин с рюмкой Капка тут же поставила, а у Аграфены Архиповны щелочки приоткрылись, в них бесцветные глаза показались.

– Чего это ты, Сереженька, вздумал?

– Волнение разбирает, мамаша. – Он опрокинул рюмку в рот, занюхал кулаком и закусил куском хлеба. – В гильдию поступаю, довольно нам в мещанском сословии сидеть.

– Стало быть, мы таперича купцами именоваться будем? – не обрадовалась она. – А на что это тебе? Ты поглянь, у нас же все есть, вон стол ломится...

– Мамаша, вы как папаша, царствие ему небесное, тому тоже всего вдоволь было. Кабы не дед, то косили бы мы до сих пор поля барские. Я размаха хочу, жить по-другому желаю.

– Так ведь пошлины огромные... – запричитала мать.

– То не ваша забота, а моя. Я без батюшки дело наладил, деньги приумножил в разы. Хочу пароход купить, баржу – Афанасий Емельянович продает, гостиный двор открыть, дом построить, чтобы как у Прошкиного отца... нет, лучше!

– Ты им не ровня, ладно, по девкам вместе бегаете, а чтобы состязаться... они вон какие богатые, как баре.

– Так и я, мамаша, не голь перекатная, погодите, сколочу капитал поболее ихнего, а там и в первую гильдию войду.

– Чем же тебе наш дом не люб, Сереженька?

– Уф, мамаша, вам не объяснишь. Дом указывает на положение, престиж поднимает. Да и простора хочется...

– И на что тебе простор? Вот кабы ты женился...

– Может, и женюсь. Правда, женюсь. Когда-нибудь.

А она восприняла его слова за обещание, потому новость пролилась бальзамом на душу, ведь давно пора остепениться! А то с дружкой Прохором пропадают ночи напролет, каково матерям приходится – не думают. Но жена попридержит возле юбки, за зуб отгаскает, если что, а матери спокойней станет. Аграфена Архиповна хлопнула в ладоши, визгливо рассмеялась от радости и засыпала сына вопросами:

– Неужто сподобился? На ком же? На Катьке? Али на Дарье? На Марьюшке! Тоже нет? Ну да, раз ты купцом законным станешь, то девки наши тебе не пара, нет. Купеческую дочку искать надобно, чтобы с приданым хорошим, с положением, верно?

– Верно, мамаша, верно. Я уж и участок присмотрел...

Сергей весело подмигнул матери и приступил к ужину.

Петр Тимофеевич беспокойно поглядывал на ходики, одиннадцатый час пошел, а Наташка еще не вернулась. Он и газету перечитал два раза, и в окошко выглядывал, и на улицу выходил, но там было пусто – что в одну сторону, что в другую, время-то позднее. Редкая двуколка проносилась мимо с загулявшим пассажиром, гроыхая колесами да копытами, а больше – никого.

Страшно за девчонку, Наташке шестнадцать годков, росла в деревне, ее обидеть всякий может, она ж доверчивая и глупенькая. Племяшка в прислуги подалась, а хозяйка попала – не приведи господи, Наташка не то чтобы жаловалась, но рассказы ее не порадовали

дядю. Хозяйка спесивая, жадная, злая и подозрительная – точь-в-точь жена его, раскладывавшая пасьянс на столе. Она уж давно переоделась ко сну, волосы намотала на папилютки, рожу маслом конопляным смазала – отвратительное зрелище, а племяшку мужа ждала, чтобы злобу, накопившуюся за день, вылить на безответное дитя.

– Чего маешься? – вдруг фыркнула жена, когда он в очередной раз отодвинул занавеску и всматривался в улицу. – Придет твоя Наташка, никуда не денется. Чай, с кавалером прохлаждается, они – деревенские – шибко до любви охочи. Гляди, принесет в подоле – будешь знать.

И так-то Петр Тимофеевич на взводе был, а тут эта кикимора подлила масла в огонь. Обычно он ни полслова ей в ответ не скажет, неохота потом выслушивать карканье с шипением, но не на сей раз.

– Не смей сироту обижать! – погрозил пальцем он. – Наташка хорошая, добрая, а ты ее все пилишь, пилишь! Ей и так несладко...

– О!.. О!.. О!.. – с презрением произнесла она и понеслась: – Я эту дармоедку целый год кормила-поила, а взамен что-с? Придет, в комнате спрячется, рожу воротит...

– А за что ей тебя любить? Ты у нее все деньги до копейки отбираешь, да еще попрекаешь! Кабы у Наташки деньги были, взяла бы она извозчика, а не шла бы через весь город пешком...

– Извозчика?! – взвизгнула жена. – По какому такому праву? Да я – я! – в жизни два раза на извозчике ездила. Воля ваша, Петр Тимофеевич, однако деньги я у нее не зазря беру, она туточки год жила, чей хлеб ела?

– Мой! – рявкнул он...

И пошло-поехало.

А Наташка на работе задержалась, чему сама была не рада. Горничная прихворнула, хозяйка приказала девушке дожидаться ее, чтобы переодеть, да за услугу платы не обещала. Впрочем, плату Наташа получила – пощечину, когда уронила платье, а как тут не уронишь, когда руки от страха трясутся? Обиду девушка не могла забыть, бежала к дядюшке и плакала. Горек сиротский хлеб: тетушка попреками заездила, хозяйка – злобой, друзей нет, дома родного нет...

Непривычная к городу Наташка ночью путала улицы, за год, что прожила у дядюшки, так и не узнала толком, где чего находится. Не выпускала из дому ведьма старая – тетушка, с утра до вечера заставляла спину гнуть, ну, на рынок брала с собой или в лавку, если требовалось нести что-либо тяжелое, и все. А с обидой в сердце и слезами тем более заплутаешь.

Выйдя на перекресток, Наташка повертелась в поисках знакомых примет – ага, есть. Всего чуточку отклонилась в сторону, теперь вернуться надо. Решила поплакать дома, а то до утра будет бродить, заблудившись. И застучали каблучки по мостовой быстро-быстро...

А город будто вымер, будто здесь никогда никто не жил, оттого он казался совсем чужим, неприятным, угрожающим. Отчего-то ночью и по тихим улицам одной идти страшно... Да одна ли она? Наташка замедлила шаг, прислушалась – ей почудилось, идет кто-то сзади. Ну, понятно кто: человек. А как не человек вовсе? Вдруг чудище клыкастое, лохматое, безобразное? Представив страшилище, Наташка остановилась...

Точно: сзади шаги... раз, два, три... И тишина.

Девушка резко повернулась, чтобы встретиться с опасностью лицом к лицу. А сзади – никого. Фонарь шагах в двадцати качался. Справа ограда кованая, за оградой чуть слышно шелестят листьями кусты и деревья, слева дома с двух этажах с потухшими окнами, там же магазин для господ и аптека. Но шаги-то она слышала! Или то ветер уронил деревяшку, оторвав ее от крыши, та и покатила? Но это хорошо, что никого.

Наташка набрала полную грудь воздуха, собралась со всех ног припустить до самого дома, развернулась и... произошло столкновение! Она уперлась в огромного мужчину, в полумраке заметила на лице его безмятежный покой, наросты на подбородке и щеках, скорей всего

бородавки, а вместо глазниц – черные провалы. Закричать бы, перекреститься бы, но рука не поднималась, сердце заходило от ужаса, горло перехватило удушьем. Наташка лишь сделала шагочек назад, потом второй... Отступала, как от злобной собаки – осторожно, мягко, чтобы та не кинулась.

Но вдруг спина уперлась во что-то непонятное. Нет, в человека! И тут пришло осознание, что нужно кричать, вопить, визжать. Но большая рука, пахнувшая лошадыми, закрыла ей рот...

Петр Тимофеевич больше не смог вставить слова, паузы не нашлось для его вставок, посему плюнул в сердцах и вышел на улицу, решив дождаться племяшку там и не дать в обиду сварливой ведьме. Да где же она, где?

4

Таперша бренчала по клавишам, а Покровский выпятил губы: бред про чужое горе его озадачил, сказано-то это было в страдальческой тональности. Он вперился в Камиллу карие бычьи глаза, она же выглядела ангелом во плоти.

– М-да, нелегко было... – протянул он. Однако древко знамени победы у него в руках, а победители не любят гундосить про перипетии судьбы. – Но жить без любви безнравственно. Не посыпай голову пеплом, все уже в прошлом.

– Нет, в настоящем. Твои друзья, коллеги, дети... они не на твоей стороне. Будут осуждать нас, через время ты возненавидишь меня. Ничего из нашей затеи не выйдет.

– Привыкнут. Кама, дело сделано, чего ты хочешь?

И вдруг она брякнула такое, отчего жевательный процесс он вынужден был приостановить:

– Хочу, чтобы ты вернулся в семью.

– Ты охрене... – Слишком громко выразил он отношение к ее заскоку и, оборвав себя на полуслове, подавшись к ней и уронив галстук в салат, зашипел: – Вот этого не надо! Или ты проверяешь меня, насколько сильно я тебя люблю? Сильно. Назад не побегу.

– Я серьезно. Ты должен вернуться...

– Ты что, издеваешься?

– Нет. Я не смогу жить, зная, что за моей спиной меня проклинаят. Вернись, тебя простят.

Ах, как жаль, что они не одни и нельзя для начала наорать на Камиллу, тем самым привести ее в чувство, но пресечь пресловутые муки совести нужно сейчас, на корню пресечь.

– А чем ты раньше думала?! Все, развод состоялся. В общем, хватит молоть хрень! Поздно! Больше никогда не поднимай этот вопрос, он меня и так задолбал, а если тебе приспичит поиграть в сострадание, делай это без меня.

– Ну вот, ты и показал свое настоящее лицо, – не без чувства удовлетворения произнесла она, вставая. – М-да, не орел... Прощай.

И он подскочил, задев животом тарелку, которая грохнулась на пол, схватил Камиллу за запястье, пытаясь усадить назад:

– Куда ты? Обиделась? Глупо. Я же сделал, как ты хотела...

– Как ты хотел, – внесла уточнение она, выдергивая руку. – Я не настаивала. Пусти, а то позову вышибал. Ты мне не нужен, катись к... жене и детям.

Покровский превратился в ООО – ошеломлен, обескуражен, ошарашен. Он разжал пальцы (ему только славы дебошира, терроризирующего любовницу, не хватало), сверкал глазами, глядя в точеную спину Камы, да потирал подбородок, не понимая, какая оса ее укусила.

А она выпорхнула из «Нэпмана» и, оглядываясь, дунула к машине Эрика, который завел мотор, готовясь сорваться по первому ее требованию. Бухнувшись на сиденье, Кама остановила его, схватившись за руль:

– Стой, стой!

Обмахиваясь плоской сумочкой, она не отрывала взгляда от входа в ресторан, Эрик, естественно, поинтересовался:

– Кого высматриваешь?

– Покровского. Хочется посмотреть на его рожу, когда он выползет из кабака. Думаю, обхохочемся.

– Ты еще и похотать хочешь? – изумился Эрик. – Тебе мало?

Камилла весело рассмеялась в ответ:

– Мало, мало, мало. Видел бы ты его! Теперь хочу показать тебе жирного кота с брюхом до колен после крушения... Ой, мне звонят... Да где же эта чертова труба, – копаясь в сумочке, бурчала она. – Наконец-то... Алло?

– Кама, это Ольга.

Ольга пока приятельница, а Камилле хотелось бы с полным основанием назвать ее подругой, потому что она образец успешной молодой женщины, креативной, харизматичной, умницы и так далее. Дружить нужно с удачливыми людьми, глядишь – их удача к тебе переметнется, она же коварна и непостоянна.

– Добрый вечер, Оля, – заворковала Кама. – Почему у тебя голос тусклый?

Помимо тусклости, в голосе Ольги отчетливо слышались драматичные нотки, а слова она чеканила, будто разгневанный начальник крупного производства:

– Зачем Rogozin требовал от меня сказать, как тебя найти?

– Меня?! – Кама озадачилась: откуда Rogozin узнал, что у них побывала она, а не мифическая Елена? – Не знаю... А что ему надо?

– Не сказал, но был в ярости. Два часа назад умерла его жена.

– Ни фиги себе! – буркнул Эрик, слышавший диалог, так как Камилла включила громкую связь.

Он даже сполз по сиденью, заглушив двигатель, подпер челюсть кулаком, периодически качая головой то ли в знак сожаления, то ли осуждения. Да и Кама впервые ощутила, где у нее находится сердце, забилось оно как-то истерично.

– Умерла?! – повторила она жуткое слово, казавшееся ей чужим, отголоском страшных небывальщин, но никак не прозаическим и распространенным явлением, ведь умирают каждый день. – А чего это она умерла?

– У Алисы было сердечное заболевание, – отчеканила холодно Ольга. – Павел ее дома держал, не разрешал даже за хлебом выйти, чтобы дотянуть до операции без эксцессов. Всего две недели осталось...

– А... а... а я при чем?

– И мне интересно, при чем здесь ты? – рывкнула в ответ Ольга. – Алиса только что умерла, а он почему-то звонит мне и не просто интересуется, где тебя найти, а требует, при этом злой, как не знаю кто. Что ты натворила?

– Да ничего такого...

– Не ври! Ты его охмуряла, потом у меня выуживала адрес, остороженько так... зачем? Зачем тебе нужен был его адрес?

– Да я всего-то хотела отвезти ему... книгу! – еле нашлась потерявшаяся Кама. – По экономике в его сфере...

– Если смерть Алисы на твоей совести, я тебя знать не желаю!

– Подожди! Ты дала ему мой адрес?..

Ольга отключилась. Напуганная Кама набрала ее – та не взяла трубку, значит, дело серьезнее, чем подумалось в первый момент. Из ступора ее вывел Эрик, поворачивая ключ зажигания, он буркнул, правда, беззлобно, но слово само по себе было емкое:

– Допрыгалась?

– Я же не знала! – огрызнулась Камилла.

Глядя на озлобленную физию жены, Евгений Богданович расстегнул пуговицу пиджака и сунул руки в карманы брюк, соображая, что конкретно она могла пронюхать. За семнадцать лет он устал от нее, как не устают даже батраки на поденных работах, и если бы ему удалось поймать золотую рыбку, ей не нужно было бы исполнять три желания, достаточно было бы одного: закинуть Тоньку в сундук, запечатать печатями и опустить в глубины океана, где даже микроорганизмы не живут. Опротивела она ему давно, а когда-то Антонина была пусть не рас-

красавицей, но смазливой кнопкой с аппетитными формами, подвижной, задорной хохотушкой, заряжающей всех положительным зарядом.

Теперь она – ни то ни се. Тумба, под завязку набитая целлюлитом, без чувств и задора, так ведь разожралась, забронзовела и огрубела в чиновничьем кресле. Храпит по ночам, как солдафон после выпитого литра самогона, зловредная стала, хотя земные блага валяются у ее коротеньких ног, как и десятки лизоблюдов. Чего ж еще ей надо?

– Не понял твоего намека, – наконец вымолвил он, догадываясь, что сцены не избежать, и принимая оборонительную позицию.

– Сегодня я встретила с одной лахудрой, – цедила Антонина сквозь зубы, почти не разжимая губ. – А вчера она позвонила мне на мобильник и предложила купить у нее занимательную информацию, назвала цену. Не догадываешься, кто стал предметом купли-продажи?

Евгений Богданович подумал, у нее не просто челюстной зажим, может, эту карикатуру на женщину укусила бешеная оса, проснувшаяся после зимней спячки? Вот если бы она была ядовитая, как пяток кобр, он роскошно похоронил бы Тоньку – с почестями и военным караулом, чтобы из гроба не сбежала...

– Я, что ли? – с безразличием спросил он.

Жестом императрицы она швырнула мужу под ноги фотки, те рассыпались, да так удачно – ни одна не перевернулась, будто специально легли вверх голыми телами в бесстыдных позах. Евгений Богданович не поднял ни одного снимка, а лениво лавировал среди них, разглядывая каждый в отдельности. Лишь в первый миг его окатило кипятком, минуту спустя ядовитые слова Тоньки уже не задевали его, в конце концов, когда-то нечто подобное должно было произойти.

– Тридцать тысяч рэ – такова тебе цена, недорого, надо сказать. Твоя подстилка нацепила парик, думала, я слепая, тупая и не узнаю ее на снимках. Сдала она тебя почти даром. Пока ты с ней...

Тоня употребила совершенно непристойное слово, которое не всякий мужик произнесет, только маргинального склада. Евгений Богданович, не выносивший помоечные выражения, невольно дернулся и сделал замечание жене:

– Не матерись, ты все-таки женщина.

– ...тебя фотографировал кто-то третий! – несло ее без остановки. – А устроила фотосессию твоя подстилка. За тобой подсматривали!

– Ну и пусть завидуют.

– Значит, для меня у тебя простатит, импотенция и гангрена обоих яиц, а для сучек – комплект в норме! Дерьмо ты, Женя. Дерьмо, сволочь и неблагодарная свинья! Ты же ничто и никто без меня.

Ему бы упасть на колени и молить о прощении, ведь отнекиваться глупо, когда на полу лежит безобразие, но сегодня в нем возобладал дух противоречия. Этот мятежный дух жаждал вылезти из-под Тонькиной пяты как никогда ранее, и его ответный выпад не отличался миролюбием:

– А ты разденься и посмотри на себя в зеркало, потом честно скажи: захочешь ты то, что увидишь?

Оскорбления Тоня не снесла, с ревом подскочила... Как летела в него хрустальная пепельница, он не заметил, но понял по замаху: в него что-то кинули. Увернуться не успел, в лоб врезался увесистый предмет и едва не снес голову с плеч. Беспутный муж покачнулся, механически схватившись за лоб обеими руками, на пол грохнулась массивная пепельница, разлетевшись на мелкие осколки. То, что из глаз летели искры, – мелочь, как и адская боль, но когда Евгений Богданович увидел залитые кровью ладони, тут уж заорал, будто раненый зверь, впрочем, так оно и было:

– Психопатка! Ты могла меня убить!

– И убью! – цедила рогатая жена. – Убью, если ты...

Вот: «если ты!..» То есть она все-таки давала ему шанс, но он не в том состоянии был, чтобы поклясться, мол, больше не буду лобызать голых баб и трахаться с ними, перебил жену, выкрикнув в запале:

– Да я вообще могу уйти!

– Уйдешь, уйдешь, – желчно пообещала Антонина, не испугавшись крови мужа. – Вперед ногами уйдешь! Можешь катиться, мне ты не нужен. Но! Сначала перепиши все предприятия на моего старшего сына. – Старший у нее от первого брака, второй ребенок совместный, ему нет и шестнадцати. – Сначала верни мне мое, тогда и катись в одних штанах с подтяжками.

– Твое?! – возмущенно взревел он, зажимая рану платком. – А кто работал, поставил дело? Я, а не ты...

– Без меня тебя забили бы те же менты. Я обеспечивала тебе «крышу», деньги на бизнес тоже дала я, так что заткнись. Твоя потаскуха поплатится, когда выясню, кто она, а я это выясню. Боком ей выйдут мои кровные тридцать штук и порнография. Спи, где хочешь, а в моей спальне чтобы духу твоего не было.

Забрав бутылку с рюмкой, Антонина унесла свое растерзанное самолюбие на кухню, перекрыв мужу доступ к холодильнику, значит, он останется без ужина, так как туда по доброй воле не войдет. Евгений Богданович кинулся к зеркалу в прихожей, осмотрел кровоточащую рану и ужаснулся. Будто умелая рука рассекла лоб сбоку саблей, задев и бровь! Пластырь бы... Но домашняя аптечка тоже на кухне, Тонька не зря туда ушла, тем самым отрезала путь и к медицинской помощи. И этому палачу отряда каракатиц он отдал лучшие годы жизни!

В ванной промыл рану, продезинфицировал по краям туалетной водой за неимением йода, подпрыгивал и поскуливал, когда щипало. Приложив чистое полотенце к виску, он вернулся в гостиную и поскользнулся на фотографиях. В сердцах он пинал их ногой, с остервенением цедя сквозь стиснутые зубы:

– Дрянь! Дрянь! Дрянь!..

Он позвонил, София схватила трубку.

– Ага, не спишь, – рассмеялся Артем.

– Как дежурство? – поинтересовалась она, иначе минут десять они будут молчать, ведь по телефону мало чего скажешь. Но когда они вместе...

– Полный застой, – ответил он со стоном. – Скукотища... Заезжал Валентин, следак из прокуратуры, потрепались. Вовчик ему на прощание пожелал покоя и безмятежности, а он замахал руками: «Хочешь, чтобы я без работы остался? Пожелай лучше парочку трупов, а то меня и вас сократят скоро».

София заливисто рассмеялась. Если бы было не смешно, все равно рассмеялась бы, потому что влюблена по уши, счастлива до неприличия... Правда, счастье не совсем полное, тем не менее!

– Я чего звоню... – замялся Артем, но человек он решительный, сразу выпалил: – Давай заканчивать с благотворительностью, я хочу возвращаться домой и видеть тебя каждый день. Мне надоело нянчиться с Ликой, а с тобой видеться урывками.

Наконец-то! А ей как надоело!

– Это предложение? – якобы не поняла София.

– А то!

– Почему по телефону?

– Ну, отказ по трубе легче переносится.

– Не дождешься отказа... Извини, я перезвоню.

Черт возьми, Борька! В самый замечательный миг! Просунул голову в собственный кабинет, который оккупировала она, и подозрительно уставился на жену. Пока еще жену, но уже только по документам.

– Кто звонил? – разьедало его любопытство.

Пасет! Значит, интуиция и у него трудится. Но зачем спрашивать, если можно услышать ложь? София привыкла ему лгать, поэтому, не моргнув глазом, выдала:

– По работе. Завтра с утра на телевидение.

– Почему ночью звонят?

– Потому что в основном ночью совершаются преступления, – рассвирепела София, – а у нас дежурят. Не мешай, я еще поспать должна.

Терпит. И терпением своим раздражает. А суть в том, что она его разлюбила, о Борьке вообще речи не идет. Не может человек, пылая нежным чувством к себе, единственному, любить еще кого-то, но сейчас его жалкая рожица вызывала сострадание – более семи лет просто так не выкинешь. София положила ладони на стол, оттопырила локти в стороны, словно собралась встать, но осталась сидеть, давая себе установку вслух:

– Так, надо сосредоточиться... К черту Борьку, он меня не пожалел бы и не жалел. Артему позвоню позже, когда мой крест уснет, а сейчас...

Продолжение

За столом Марго заметила новые лица, значит, эти господа прибыли недавно. На носу лето, все готовятся покинуть город или уже покинули – кто на воды отправился, кто за границу, кто в поместье, а умалишенные едут в заведомую духоту и скуку, когда жизнь здесь замрет до осени. Ум Марго не мог находиться в спячке, в связи с этим она взяла привычку наблюдать, особенно за незнакомыми людьми, составлять о них мнение задолго до того, как познакомится с ними. Кое-кто заслуживал особого внимания своеобразием, но Медьери сидел далеко (во главе стола), так что удовлетворить ее любопытство было некому. А уйти, не удовлетворив его сегодня же, было не в характере Марго.

Гости после ужина занялись игрой в карты, разговорами и танцами, хотя не ради одной забавы по вечерам делают визиты. В непринужденной обстановке легко завязать знакомства, пофлиртовать, договориться о сделках или же разбавить скуку, на которую щедра провинция. Марго подплыла к Медьери, не укажешь же прямо пальцем, дескать, кто это такие, откуда они и зачем здесь? Следует постепенно подвести к ним, а повод завязать беседу нашелся.

– Вчера татап мучила нас Бетховеном, а ваша Урсула чудо как хорошо играет. Нет, моя оценка слишком скромна, она превосходно играет!

– Я знаю еще одну женщину, которая превосходно музицирует, – проворковал Медьери, глядя на нее с нежностью.

– Кого? Я, кажется, всех слушала, не нахожу, что кто-то превзошел Урсулу.

– Вы. Ваша манера исполнения, пожалуй, затмит мою сестру.

От комплиментов ее голова не кружилась никогда, напротив, Марго надула губы и с упреком сказала:

– Когда меня необоснованно хвалят, я начинаю подозревать, что на одного друга стало меньше.

– Неужели вы обо мне...

Взаимные любезности Марго тоже не выносила, лучше это прекратить сразу, что она и сделала:

– Нет, нет, нет! Я о вас дурно никогда не думала, покончим с этим. Вижу, у вас много новых лиц...

– Новых? Ошибаетесь, это потому, что вы не любите свет.

– А что, заметно?

– Ну, раз вы явление в свете редкое, значит, его не любите.

– М-да, вы наблюдательны. А кто вон та старуха в черном платье, вышитом черным гарусом? Сколько ей лет? Сто?

Старуха, на которую она указала глазами, действительно казалась древней из-за тысячи мелких морщин на лице, однако для ста лет она была чрезвычайно крепка. От нее исходила мощь – это признак внутренней силы, которую ни с чем не спутаешь. А властность в лице? Властолюбие всегда выходит наружу, у старухи оно было подчеркнуто тонкой линией губ и их опущенными вниз уголками, узким орлиным носом и колючими, глубоко посаженными глазами.

– Это помещица Кущева, – сказал Медьери. – Вовсе ей не сто лет, не преувеличивайте.

– Ах, да-да, я слышала о ней, живет в огромном имении, скупа и жестока. Говорят, она любительница собачек.

– Их у нее пятнадцать, отвратительные существа, скажу я вам. Маленькие, а лай поднимают оглушительный и норовят укусить исподтишка. Кстати, от Кущевой не отходит девица, ее племянница. У бедняжки жизнь хуже собачьей, тетка превратила ее в рабыню, заставляет потакать своим капризам. А что вы о ней скажете?

Марго нравилась эта игра «угадай, кто есть кто», тем более что Медьери – занимательный собеседник. Она вначале присмотрелась к тусклой девице в немодном платье и с прической собственного изобретения, на лице – скорбь кающейся Магдалины. Оскорбить женщину за глаза неприлично, поэтому Марго начала:

– Мила...

– Вы ей льстите, – улыбался Медьери, раскусивший ее ход.

– Хорошо, не буду. Некрасива, наверняка зануда и плакса.

– У Адели – полное имя Аделаида – нервическое расстройство, – дополнил он. – С теткой жить нелегко. К тому же Адель старая дева, а без любви женщина чахнет.

Неожиданно Марго закусила губу, виновато опустив ресницы:

– Мсье! Мы же сплетники.

– Да, сударыня. Но сплетничать с вами, видеть, как в ваших зеленых глазах играют мысли, – большое удовольствие.

– А кто та прекрасная дама в зеленом платье?

– Лисия, что в переводе с венгерского – удачливая. Это наша родственница по отцовской линии, ни слова не знает по-русски, но старательно учит язык.

Блуждающий взгляд Марго поймал брата. О боже, чего она боялась, то и произошло: Мишель с Урсолой! Кто же его представил ей? И куда смотрит матушка девушки? Никуда. Она болтает с толстухой, обвешанной бриллиантами, как богатая купчиха. А куда подевался Суров? Марго поискала его глазами... Ну, конечно, чтобы красавец офицер остался без внимания женщин – такое только во сне может присниться. Его окружили три кривляки, две из них не замужем, пора спасать брата и подполковника.

– Лисия великолепна, – произнесла Марго, невольно коснувшись пальцами висков – она лихорадочно придумывала повод уйти. – Только не говорите, что вы знаете еще одну великолепную женщину, имея в виду меня.

– Но это так... Что с вами, Маргарита Аристарховна?

– Пустое, мигрень, – обрадованно сообщила она, ибо предлог сам слетел с языка. – Пожалуй, нам пора. Скажите брату и подполковнику, что я жду их внизу.

– Но, Маргарита Аристарховна...

Медьери явно расстроился, а она поторопилась уйти, негодуя про себя на ветреников. Обоим пора в полк!

Но на воздухе вечерняя прохлада привела ее в относительное равновесие. Дом окружен парком, казалось бы, небольшим, тем не менее создавалось впечатление, будто вокруг лесные чащи, хотя более ухоженного места во всем городе не сыщешь. Здесь царил удивительная

атмосфера естественности, парк отделял дом от улиц надежным щитом, отсюда появлялось и чувство защищенности. Несколько раз Марго глубоко вдохнула плотный весенний воздух и окончательно успокоилась.

Мужчины не заставили себя ждать, оба были в приподнятом настроении, что испортило настроение Марго, а брат, помогая ей сесть в коляску, недовольно проворчал:

– Что тебе вздумалось так рано уйти?

– Мигрень, милый.

Подполковник уселся напротив и усмехнулся в усы, значит, помнит, что именно он учил ее притворяться больной мигренью. Так ведь симптомы неопределенны: болит и болит то тут, то там – указывай на любую часть головы.

– Как вам мсье Медьери? – спросила она.

– Приятный господин, – сказал Мишель.

– А вам, подполковник?

– Я согласен с Мишелем, – ответил тот почему-то хмуро.

Ну и бог с ним, сейчас важно брата поставить в известность о существенном недостатке Урсулы, который поначалу многие не замечают. Марго не настолько глупа, чтобы при брате, влюбляющемся в одаренных особ с изъянами, дурно высказываться о девушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.